3 1761 04239 3777

Poèty Frantsii

М. А. Зи
№ 2

ПОЭТЫ ФРАНЦІИ

1870—1913

ПЕРЕВОДЫ И. ЭРЕНБУРГА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЕЛІОСЪ»
ПАРИЖЪ
1914.

LIBRARY
JUN 25 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

КНИГИ И. ЭРЕНБУРГА

СТИХИ;

Стихи. Парижъ 1910
Я живу. Спб. 1911
Одуванчики. Парижъ 1912
Будни. Парижъ 1913. (*Заграничной цензурой въ Россіи недопущена).*
Дѣтское. Парижъ 1914

ПЕРЕВОДЫ:

Франсисъ Жаммъ. Стихи и проза. Переводы И. Эренбурга и Е. Шмидтъ. Москва 1913.
Поэты Франціи. (1870—1913) Парижъ 1914.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа.

PQ
1170
R8P7

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ И. РИРАХОВСКАГО
50, Boulevard Saint-Jacques, 50 — Paris

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ собранъ рядъ переводовъ стихотвореній поэтовъ (1870—1913 гг.), объединенныхъ скорѣе личными пристрастіями, чѣмъ какимъ-либо общимъ планомъ. Не задаваясь цѣлью дать читателю полную антологію, я былъ свободенъ въ выборѣ, какъ поэтовъ, такъ и стихотвореній. Быть можетъ, является грѣхомъ, съ точки зрѣнія исторической справедливости, пропускъ такихъ поэтовъ, какъ Рене Гиль или группы «юнанимистовъ» въ лицѣ Жюля Ромэна или Жоржа Дюамеля и др., но полная невозможность найти въ ихъ творчествѣ, доступные и близкіе мнѣ элементы, привела меня къ этой вынужденной односторонности. Все-же въ цѣломъ, закончивъ переводы, я съ радостью замѣтилъ, что мнѣ удалось (плохо или хорошо — пусть судитъ читатель) перевести почти всѣхъ большихъ поэтовъ послѣднихъ сорока лѣтъ.*) Что касается выбора стихотвореній, то и онъ отмѣченъ печатью личнаго вкуса и не всегда является характернымъ для цѣльнаго облика даннаго поэта. Такъ въ творчествѣ Верлена меня больше всего привлекли его небольшія пѣсенки, дѣтскія жалобы и сомнѣнія, а не поэмы, насыщенныя часто глубокой мыслью (какъ «Мистическій діалогъ» и др.); изъ Поля Фора я взялъ не пантеистическіе гимны, а маленькія «баллады», приближающія его творчество къ народной поэзіи и т. п.

Въ переводѣ я, конечно, по возможности сохранялъ форму стихотворенія. Всякое уклоненіе отъ классическаго стиха, т. е. не только «свободный», но и такъ называемый «освобожденный» стихъ я старался отмѣтить въ переводѣ, употребляя пропускъ слоговъ, смѣшеніе различныхъ размѣровъ и т. п.

---

*) Я не включилъ въ эту книгу переводовъ бельгійскихъ поэтовъ, полагая, что на твореніяхъ Верхарна, Эскальмпа и др. лежитъ глубоко національная печать, выдѣляющая ихъ изъ ряда «поэтовъ Франціи».

Въ библіографіи читатель найдетъ лишь самое существенное перечень окончательныхъ изданій произведеній автора и наиболѣе крупныя книги, посвященныя его творчеству. Въ спискѣ русскихъ статей и переводовъ, должно быть, много погрѣшностей; работая надъ этой книгой въ Парижѣ, мнѣ трудно было ихъ избѣжать.

* * *

70—80 годы являются для французской поэзіи эпохой истиннаго возрожденія. Достаточно назвать имена Верлена, Рембо, Маллармэ, Самэна, Лафорга, Жамма, чтобъ увидѣть, какъ велики и разнообразны были поэты этого исключительнаго періода. Переводить ихъ стихи для русскаго поэта высокое наслажденіе. Думать, что, быть можетъ, за неловкими и блѣдными строками читатель почуетъ слезы Верлена, опьяненнаго инымъ міромъ, улыбку отчаянья Лафорга, или дѣтскія молитвы Жамма, пусть искаженныя, пусть обезцвѣченныя неумѣлой рукой переводчика — какъ это радостно!

За послѣднее время поля французской поэзіи нѣсколько опустѣли. Молодое поколѣніе, борясь за бо̀льшую ясность, простоту и человѣчность поэзіи, не сумѣло пока выполнить своихъ мечтаній. Правда, въ поэзіи Шарля Вильдрака и нѣкоторыхъ другихъ есть необычайная широта воспріятія, искренность переживаній и простота формы, но пока эти всходы не дали истинныхъ плодовъ.

Быть можетъ въ Россіи, гдѣ «символисты» были почти случайнымъ и наноснымъ явленіемъ, гдѣ дальніе отблески осеннихъ солнцъ французскаго декаданса, на мигъ показавшись намъ восходящей зарей, быстро погасли, въ Россіи, юной и свѣтлой, настанетъ пора ея поэтическаго возрожденія. Нѣкоторые, еще тихіе, голоса позволяютъ мнѣ думать, что у насъ раздадутся пѣсни дикарей и дѣтей, о которыхъ мечтаютъ нынѣ изощренные поэты Франціи

И. Эренбургъ.

P. S. Я не нахожу словъ, чтобы выразить благодарность французскимъ поэтамъ, съ исключительныиъ вниманіемъ и отзывчивостью отнесшимся къ моей работѣ.

И, Э.

Январь 1914 г.
Парижъ.

ПОЭТЫ ФРАНЦІИ.

СТЕФАНЪ МАЛЛАРМЭ

1842—1898

Малларме родился въ Парижѣ 18-го марта 1842 г. Еще на скамьяхъ коллежа онъ забавлялся, слагая небольшіе стихи въ духѣ Беранже, которые сжигались безжалостными учителями. Двадцати лѣтъ онъ уѣхалъ въ Англію, чтобы изучить англійскій языкъ; впослѣдствіи это знаніе дало ему хорошій заработокъ и возможность посвятить свои досуги поэзіи. Возвратившись въ Францію въ 1862, онъ получилъ должность преподавателя англійскаго языка въ провинціи, откуда посылаетъ въ «Parnasse Contemporain» свои первые стихи. Получивъ въ 1873 году каѳедру англійскаго языка въ Парижѣ, онъ основалъ свѣтскій журналъ «La dernière mode». Въ это время онъ написалъ «Полдень Фавна», посвящая его Кокелену и надѣясь на его постановку въ театрѣ, которую тогда не удалось выполнить. Какъ извѣстно, поэма Малларме вдохновила Клода Дебюсси на созданіе прекрасной музыки и Нижинскаго на его хореографическія исканія.

Слава Малларме, котораго Гюисмансъ воспѣлъ въ своемъ романѣ «Наоборотъ», возростала, и вокругъ него стали группироваться молодые поэты. Каждый вторникъ они собирались у учителя въ его небольшой квартирѣ на rue de Rome. Среди нихъ были Жюль Лафоргъ, Анри де Ренье, Вьеле-Гриффинъ, Гюставъ Канъ, Поль Клодель и композиторъ Дебюсси. Прислонившись къ печкѣ, въ синемъ дыму папиросъ, Малларме говорилъ о поэзіи и о живописи, о музыкѣ и о театрѣ, и молодежь съ жадностью впивала эти проникновенныя слова и его особенно свѣтлые и нѣжные взгляды. И еще живые изъ посѣтителей rue de Rome, не могутъ безъ во нения и печали думать объ этихъ, теперь уже далекихъ, часахъ, когда ихъ всѣхъ объединяла общая вѣра.

Чувствуя себя утомленнымъ, Малларме оставилъ должность профессора и уѣхалъ въ Вальвэнъ, маленькое мѣстечко на берегу

Сены, гдѣ онъ написалъ свои очерки по эстетикѣ, появившіеся въ «Revue Blanche». Онъ хотѣлъ закончить тамъ свою поэму «Иродіада» и написать большой трудъ, невыполненный имъ. Но неожиданно пришла смерть и прервала творческую работу величайшаго изъ французскихъ поэтовъ. Это было 9 сентября 1898 г.

Обычно всѣ писавшіе о Маллармэ сходятся, дѣля его творчество на два періода — «парнасскій» и «символическій». Въ своихъ первыхъ стихахъ (до 1886 года) Маллармэ находился подъ вліяніемъ Бодлэра въ своихъ идеяхъ и, быть можетъ, подъ вліяніемъ Банвилля и Готье въ формѣ стиха. Ритмы его однообразны, благодаря постоянному употребленію «александрійскаго стиха», но необычно музыкальны построенія его поэмъ. Его образы тонки и своеобразны, общій тонъ безукоризненно выдержанъ.

Потомъ, медленно эволюцинируя, Маллармэ перешелъ къ поэзіи болѣе индивидуальной, создавая ему только свойственную манеру изображенія, которая дѣлаетъ его стихи труднопонимаемыми. Все реальное онъ ощущалъ, какъ свое воображеніе, и фантазіей вдохновенія хотѣлъ сотворить новый, ему лишь понятный, міръ. «Бѣжать! Туда бѣжать» — писалъ онъ. Вещи являлись въ томъ видѣ, котораго жаждала мечта поэта. Прихоть Фавна, стараго писца — вызвала изъ тьмы желанныхъ нимфъ или дѣву Византіи. Силой своей поэтъ украшалъ пустыя вазы и зажигалъ вновь погасшіе очаги.

Пониманіе подобной поэзіи требовало отъ читателя творческой работы, аналогичной труду поэта. Этого хотѣлъ отъ него Маллармэ, и поэтому онъ закуталъ мракомъ свою поэзію. Полагая, что красота неотдѣлима отъ тайны, онъ накидывалъ вуаль на лицо своихъ стиховъ. Мысля символами, онъ создавалъ глубокіе, но трудно доступные сонеты, которые его ученики толковали и комментировали, каждый по иному. Стихосложеніе осталось классическимъ, но пропуская слова или необычно размѣщая ихъ, нарушая всѣ обычныя правила синтаксиса, Маллармэ достигалъ этимъ желаннаго эфекта. Часто ради музыки слова онъ пренебрегалъ его прямымъ значеніемъ. Позднѣе, преувеличивая звуковую сторону стиха, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Вагнера, Маллармэ написалъ свою странную и неразгаданную поэму «Un coup de dés». Но этотъ опытъ не даетъ возможности понять, чѣмъ должна была быть та ненаписанная книга, о которой Маллармэ такъ часто говорилъ своимъ ученикамъ.

Кромѣ стиховъ Маллармэ оставилъ 12 стихотвореній въ прозѣ, необычайныхъ по своей силѣ и законченности, книгу статей по вопросамъ эстетики и переводъ поэмъ Э. По.

Книги Маллармэ: Les poèmes d'Edgar Poe. Bruxelles 1888 — La Musique et les lettres (prose) Perrin 1895 — Divagations. Fasquelle 1897. (Стихотворенія въ прозѣ и статьи изъ «Revue Blanche») — Poèsies. «Nouvelle Revue Française» 1913. Избранные стихи и проза Маллармэ собраны въ книгу: Vers et prose. Perrin.

О Маллармэ см.: Albert Mockel Stéphane Mallarmé: Un Héros. «Mercure de France» 1899. — C. Mauclair Stéphane Mallarmé, «Société Nouvelle».

На русскій языкъ стихи Маллармэ переводили И. Анненскій, М. Волошинъ, В. Брюсовъ, Эллисъ и др. См. Р. де Гурмонъ, Книга Масокъ. — В. Брюсовъ, Французскіе лирики XIX вѣка.

ПОЛДЕНЬ ФАВНА.

Фавнъ:

О нимфы, я хочу продлить ихъ...
Заревое
Ихъ тѣло нѣжное дрожитъ въ глубокомъ зноѣ,
Средь чащи сновъ.
Любилъ я нимфу или сонъ?
Не знаю, все какъ ночь старинная, и я смущенъ,
Средь вѣтокъ хрупкихъ. Наяву я вижу ясно
Лишь этотъ лѣсъ. Увы, мнѣ кажется, напрасно,
Одинъ безъ нимфъ, я, засыпая, восхотѣлъ
Дать торжество загадкѣ ихъ далекихъ тѣлъ.
Подумай!
можетъ, быть тѣ женщины лишь тѣни
Твоихъ несбыточныхъ и древнихъ вожделѣній.
О фавнъ, твой сонъ, какъ слезъ играющій родникъ,
Изъ хладныхъ синихъ глазъ стыдящейся возникъ.
Но погляди, какъ лѣтній вѣтерокъ вздыхая,
Несходная трепещетъ предъ тобой, иная.
Когда, въ истомѣ, утро хочетъ обороть
Жару и освѣжить томящуюся плоть,
Оно лепечетъ только брызгами свирѣли,

Моей! что на кусты росой созвучій сѣли.
Единый вѣтръ изъ дудки вылетѣть готовъ,
Чтобъ звукъ сухимъ дождемъ разсѣять вдоль лѣсовъ.
И къ небесамъ, которыхъ не колеблютъ тучи,
Доходитъ важный вздохъ, искусный и пѣвучій.

О сицилійскаго болота тихій брегъ,
Какъ солнце, гордость сушитъ твой унылый вѣкъ.
Подъ лепестками яркихъ искръ тверди за мною:
«Что здѣсь, тростникъ срѣзая, приручалъ его я,
«Когда средь золота зеленаго луговъ,
«Средь пышныхъ лозъ и влагу сѣющихъ ручьевъ,
«Какъ будто звѣря бѣлизну, узрѣлъ я, въ лѣни,
«Тѣхъ нимфъ и нѣгу плавную движеній.
«И при начальномъ звукѣ дудки взвился рядъ
«Пугливыхъ лебедей, не лебедей — наядъ».
Я опаленный и недвижный, въ полдень гнѣва,
Не зная отчего свирѣли сладкіе напѣвы,
Которые звучатъ въ жестокой тишинѣ,
Разсѣиваютъ ихъ, давно желанныхъ мнѣ,
Одинъ, и надо мной лишь солнца блескъ старинный,
Встаю, подобный, лилія, тебѣ, невинной.
И грудь моя показываетъ тайный слѣдъ
Какого то укуса, но не ласки, нѣтъ,
Не бѣглый знакъ витающаго поцѣлуя,
Богини зубъ его мнѣ подарилъ, тоскуя.
Но тайна вотъ она — воздушна и легка
Изъ устъ идетъ играющаго тростника.
Онъ думаетъ, что мы увлечены напрасно
Своей игрой, которую зовемъ прекрасной,
Украсивъ, для забавы, таинствомъ любовь,
Глаза закрывъ, и въ темнотѣ рыдая вновь
Надъ сновидѣньемъ бедеръ и надъ спинъ загадкой,

Мы эти сны, пришедшіе къ душѣ украдкой,
Зачѣмъ то воплотимъ въ одинъ протяжный звукъ,
Что скучно и безцѣльно зазвучитъ вокругъ.

Коварный Сиринксъ, бѣгства знакъ, таи свой шорохъ,
И жди меня, вновь зацвѣтая на озерахъ.
Я вызову, срывая поясъ съ ихъ тѣней,
Богинь. Такъ, чтобъ не знать укоровъ прежнихъ дней.
Я, виноградъ срывая, пьяный нѣгой сока,
Пустую гроздь, насмѣшникъ, подымалъ высоко,
И въ кожицы я дулъ, чтобъ жадный и хмельной,
Глядѣть сквозь нихъ на вечеръ, гасшій надо мной.

О нимфы, дуйте въ разныя воспоминанья!
«Мой жадный глазъ, камышъ сверля, тая желанья,
«Движенье нимфъ, купавшихъ сладостный ожогъ,
«Въ водѣ кричавшихъ бѣшенно, замѣтить могъ.
«Но вотъ восторгъ исчезъ внезапно, тѣла чудо,
«Средь дрожи блеска вашего, о изумруды!
«Бѣгу и вижу спящихъ дѣвъ, упоены
«Истомой вмѣстѣ быть, ихъ руки сплетены.
«Несу, не размыкая рукъ ихъ, прочь отъ свѣта,
«Въ густую тѣнь, гдѣ розы, солнцемъ разогрѣты,
«Благоухаютъ, игры дѣвъ храня,
«Ихъ дѣлая подобными свѣтилу дня».
Люблю тебя я, дѣвственницы гнѣвъ и бѣлый
Священный грузъ враждебнаго и злого тѣла,
Которое скользитъ отъ раскаленныхъ губъ,
Отъ жажды ихъ. Какъ затаенный страхъ мнѣ любъ,
Отъ дикихъ игръ неистовой до сердца слабой,
Которая невинность потерять могла бы,
Отъ плача влажная, иль, можетъ быть одна,
Инымъ туманомъ радости окружена.

«Ихъ первый страхъ преодолѣть, рукой дрожащей
Распутать ихъ волосъ нетронутыя чащи,
Разнять упорныя уста для близкихъ нѣгъ —
Я это совершилъ, и свой багровый смѣхъ
Я спряталъ на груди одной изъ нихъ, другая
Лежала рядомъ и ее рукой лаская,
Я жаждалъ, чтобъ сестры растущій быстро пылъ
Ея-бъ невинность яркимъ блескомъ озарилъ,
Но маленькая дѣвственница не краснѣла.
Онѣ ушли, когда я слабый, онѣмѣлый
Бросалъ, всегда неблагодарнымъ, легкій стонъ,
Которымъ былъ еще, какъ будто, опьяненъ.

Пускай! Другія мнѣ дадутъ извѣдать счастье,
Обвивши косы вкругъ роговъ моихъ, и страстью
Созрѣвшей полонъ я, пурпуровый гранатъ,
Вкругъ пчелы, рѣя, сокъ сбираютъ и звенятъ.
И кровь моя течетъ для всякаго, кто, жаромъ вѣя,
Склонится отягченъ желаньями надъ нею.
Окрашенъ золотомъ и пепломъ рощъ покровъ,
Проходятъ празднества средь гаснущихъ листовъ,
То Этна предъ тобой. Венера посѣтила
Тебя, (гремѣлъ раскатъ протяжный и унылый)
На лавѣ оставляя ногъ невинныхъ слѣдъ.
О ты богиня!
Кара страшная!
Но нѣтъ,
Душа, свободная отъ словъ, съ усталымъ тѣломъ,
Подъ зноемъ полдня, на песка покровѣ бѣломъ,
Измученнаго жаждой, вы, средь бѣлизны,
Забывши богохульство ваше, спать должны.
Уста подставлю я небесному свѣтилу...

Прощайте нимфы! я васъ вижу тѣнью милой!

ПОЛЬ ВЕРЛЕНЪ

1844—1896

П. Верленъ родился въ Мецѣ 30 марта 1844 г. Выйдя изъ лицея, онъ занялъ мѣсто чиновника, сначала въ страховомъ обществѣ, потомъ въ муниципалитетѣ. Въ это время онъ сблизился съ нѣкоторыми другими поэтами и выпустилъ въ свѣтъ свою первую книгу «Poêmes saturniens», а вскорѣ за ней (въ 1869 г.) «Fêtes Galantes». Уже въ этихъ стихахъ раскрылась ребяческая вѣрующая и богохульствующая душа Верлена. Стараясь въ первой книгѣ дать стихи, отмѣченные роковымъ знакомъ Сатурна, онъ вмѣсто этого тихо жаловался («Привычная мечта», «Усталость» и др). Въ «Fêtes Galantes» вспоминая пышные парики и плюмажи прошлаго вѣка, онъ скорѣй увлекался не нѣжнымъ и изысканнымъ порокомъ, не внѣшнимъ великолѣпіемъ, а грустной статуей упавшаго Амура, или невнятнымъ шопотомъ двухъ, все потерявшихъ, тѣней. Слѣдующая книга «La Bonne Chanson», книга, единственная въ своемъ родѣ, любви ясной и торжествующей; ребенокъ, которому на мигъ показали неземную игрушку, создалъ эти безыскусныя пѣсни. Къ этому времени относится женитьба Верлена, и вскорѣ за ней война 1870 г. и Коммуна. Эти два года Верленъ жилъ въ состояніи душевной радости и покоя.

Но вскорѣ пріѣздъ въ Парижъ поэта А. Рембо*) и дружба съ нимъ Верлена вызвали рядъ столкновеній какъ въ семьѣ, такъ и въ кругу друзей. Привязавшись нѣжно и восторженно къ юношѣ, Верленъ пренебрегъ всѣмъ и уѣхалъ съ нимъ блуждать по Англіи и Бельгіи. Среди переѣздовъ, въ маленькихъ кабачкахъ, Верленъ писалъ свою новую книгу «Romances sans Paroles». Эта полоса жизни кончилась тяжелымъ и непонятнымъ случаемъ. Рембо хотѣлъ бросить Верлена, и тотъ въ отчаяньи и въ запальчивости выстрѣлилъ въ

*) См. дальше замѣтку о Рембо.

своего друга, легко ранивъ его. Несмотря на старанія Рембо Верлена присудили къ двумъ годамъ тюрьмы.

Тамъ, въ этой тѣсной сѣрой камерѣ, съ Распятьемъ на стѣнѣ, не видя больше ничего на землѣ, Верленъ поднялъ впервые свои глаза къ небу. Отъ него отвернулись всѣ: жена развелась съ нимъ, почти всѣ друзья стыдились знакомства съ поэтомъ. Его, со всей неутоленной жаждой любви, со всей нерастраченной нѣжностью какіе-то люди бросили въ тюрьму. Въ высшемъ экстазѣ Верленъ отдалъ тогда свою душу Тому, кто съ лубочной картины, по дѣтски наивно и грустно глядѣлъ на узника. Въ дни заключенія, на линованныхъ листахъ школьной тетради была написана книга послѣдней вѣры «Sagesse».

Но этимъ пріобщеніемъ не закончились блужданія Верлена. Правда, выйдя изъ тюрьмы, онъ провелъ рядъ лѣтъ во внѣшнемъ и внутреннемъ покоѣ, вначалѣ учителемъ англійскаго языка въ маленькомъ городкѣ, потомъ въ деревнѣ, занимаясь сельскими работами. Но какой-то вихрь — ихъ было такъ много въ жизни Верлена — внезапно выбилъ поэта изъ мирной колеи и бросилъ снова въ Парижъ, гдѣ горѣли ярко люстры кафэ и злые огоньки абсента. Всѣ книги написанныя въ этотъ періодъ — среди нихъ есть замѣчательныя — всегда омрачены какимъ-то ощущеніемъ своей гибели. Внѣшняя жизнь Верлена этихъ лѣтъ неприглядна, единственная его опора — мать умерла въ 1886 г. Послѣдніе десять лѣтъ онъ провелъ въ грязныхъ «меблированныхъ комнатахъ», одинокій и больной. Друзья его описываютъ эту причудливую жизнь, когда не хватало на обѣдъ 10—15 копѣекъ, когда пропивался въ одинъ вечеръ заработокъ мѣсяца. Видѣвшіе Верлена вспоминаютъ, какъ въ маленькомъ кабачкѣ «Chat Noir» онъ набрасывалъ на клочкѣ бумаги стихотвореніе, гдѣ средь груды фразъ ронялъ нѣсколько божественныхъ словъ и, со слезами на глазахъ, читалъ его, среди завсегдатаевъ и лакеевъ. А на зарѣ онъ выходилъ изъ кабака и подъ струей утренняго воздуха вспоминалъ дни проведенные въ монской тюрьмѣ, бѣжалъ въ сосѣднюю церковь, стараясь вновь вернуться къ Нему.

Часто онъ ложился въ городскую больницу, чтобы отдохнуть отъ такой жизни. Тамъ, въ больничномъ колпакѣ и халатѣ, Верленъ принималъ молодыхъ поэтовъ, приходившихъ чтобы поглядѣть на своего учителя.

Одинъ изъ нихъ, Пьеръ Луисъ, во время подобнаго посѣщенія

спросилъ Верлена, что онъ любитъ больше всего изъ своихъ книгъ? Верленъ назвалъ, написанную въ дни своей любви къ молоденькой и наивной дѣвушкѣ, пѣсенку «Свѣтъ луны туманной» — развѣ въ этомъ отвѣтѣ не сказался весь «бѣдный Леліанъ»?

Главной мечтой послѣднихъ лѣтъ жизни Верлена было умереть не въ больницѣ, а дома. Эта мечта сбылась: въ бѣдной своей квартирѣ, рѣдко приходя въ сознаніе, Верленъ умеръ въ ночь съ 7-го на 8-го января 1896 г.

Кромѣ названныхъ книгъ Верленъ оставилъ еще сборники стиховъ: «Jadis et Naguere», «L'Amour», «Parallélement», «Bonheur», «Chansons pour Elle» и др. прозу: «Mémoires d'un Veuf», «Les poètes maudits» и др.

Полное собраніе сочиненій Верлена (въ 6 томахъ) ed. Messin·

Избранные стихи съ предисловіемъ Коппе — Choix de Poésies· Ed. Charpentier.

О Верленѣ имѣется обширная литература. Наиболѣе интересныя книги: Charles Morice. Paul Verlaine, l'Homme et l'Oeuvre. ed. L. Vanier 1888. — Edmond Lepelletier Paul Verlaine. Sa Vie, son Oeuvre ed. «Mercure de France» 1907.

На русскомъ языкѣ имѣются два отдѣльныхъ изданія стиховъ Верлена, въ переводахъ Сологуба и Брюсова; кромѣ того издательствомъ «Польза» подъ редакціей Петровскаго собраны переводы разныхъ поэтовъ.

«Записки Вдовца» переведены на русск. языкъ Рубановичемъ (изд. Альціона»). Кромѣ названныхъ выше поэтовъ переводили Верлена еще И. Анненскій, Эльснеръ и др.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

По небу струились закатныя чары,
И вѣтеръ, слабѣя, качалъ ненюфары,
Большіе цвѣты на уснувшихъ прудахъ
Печально бѣлѣли въ густыхъ тростникахъ.

Я шелъ одинокій и думалъ тоскливо,
Меня провожали плакучія ивы.
Туманъ безнадежный надъ темной водой,
Свивался, какъ призракъ усталый, больной.

Сливаясь съ туманомъ, съ моими слезами,
Пугливыя птицы звенѣли крылами.
Я шелъ одинокій съ печалью моей,
И ивы клонили верхушки вѣтвей.

Вечернія тѣни сбѣгали безмолвно
На черное небо, на блеклыя волны.
Однѣ ненюфары въ густыхъ тростникахъ
Печально бѣлѣли на тихихъ прудахъ.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Въ покинутомъ паркѣ печальномъ, пустомъ
Двѣ скорбныя тѣни проходятъ вдвоемъ.

Глаза ихъ погасли, уста поблѣднѣли,
Ихъ тихія рѣчи звучатъ еле-еле.

Въ покинутомъ паркѣ печальномъ, пустомъ
Двѣ тѣни, встрѣчаясь, грустятъ о быломъ.

— Скажи мнѣ, ты помнишь ли счастье былое?
— Зачѣмъ вы хотите чтобъ помнилъ его я?...

— Душа моя снится тебѣ, и тогда,
Скажи мнѣ, ты плачешь во снѣ? — Никогда.

— О прошлая радость тебя не тревожитъ
И первыхъ признаній восторги? — Быть можетъ...

— И синее небо и вѣра въ сердцахъ?
— Но вѣра исчезла въ ночныхъ небесахъ...

Такъ тихо проходятъ двѣ скорбныя тѣни,
И ночь только слышитъ ихъ рѣчи сомнѣній.

АМУРЪ НА ЗЕМЛѢ.

Сегодня ночью вѣтеръ тягостный и хмурый,
Въ аллеѣ самой темной и пустой,
Блуждая, сбросилъ съ пьедестала хитраго Амура,
Коварнаго Амура съ тоненькой стрѣлой.

Вчера мы цѣлый день о той стрѣлѣ мечтали,
А вѣтеръ сбросилъ статую. Едва-едва
Въ тѣни деревъ на опустѣвшемъ пьедесталѣ
Мы разбираемъ стертыя почти слова.

О мысли грустныя, одна другой грустнѣе...
Себя я вижу одинокимъ и пустымъ,
Какъ этотъ пьедесталъ въ заброшенной аллеѣ
Передъ которымъ мы сейчасъ вдвоемъ стоимъ.

О грустно это! Даже ты грустить готова,
Почти растроганная... Но исподтишка
Ты весело глядишь на ярко золотого,
Играющаго надъ цвѣтами мотылька.

СВѢТЪ ЛУНЫ ТУМАННОЙ...

Свѣтъ луны туманной
Серебритъ лѣса.
И стихаютъ странно,
Гдѣ то замирая,
Птичьи голоса.

Нѣжная, родная!

И подъ вѣтромъ мрачнымъ,
Тихо и лѣниво,
Надъ прудомъ прозрачнымъ
Скорбною листвою
Наклонилась ива.

Погрусти со мною!

Помечтаемъ вмѣстѣ,
Съ высоты небесной
Къ намъ доходятъ вѣсти
Мира и прощенья.
Это мигъ чудесный,

Это мигъ забвенья!

ТѢНЬ ДЕРЕВЬЕВЪ...

Тѣнь деревьевъ, склоненныхъ надъ ручьемъ неживымъ,
Умираетъ, какъ призракъ, какъ дымъ.
А въ кустахъ, наклонившись надъ зеркаломъ водъ,
Соловей, засыпая, поетъ.

Разскажи мнѣ, прохожій, этотъ вечеръ скорбя,
Заставляетъ скорбить и тебя;
И какъ жалобно плачутъ средь ночной тишины
И твои безнадежные сны?

РУКА ПЕЧАЛЬНАЯ ЛАСКАЕТЪ ПІАНИНО...

Рука печальная ласкаетъ піанино,
И звуки льются медленной волной
И въ пахнущей ея духами маленькой гостиной
Летаютъ тихо надо мной.

Какой напѣвъ знакомый, но забытый,
Такъ ласково баюкаетъ меня?
Окно въ уснувшій садъ полуоткрыто.
И звуки, тихо плача и звеня,
Какъ будто умираютъ на закатѣ дня...

СЕРДЦЕ ТИХО ПЛАЧЕТЪ...

Il pleut doucement sur la ville.
A. Rimbaud.

Сердце тихо плачетъ,
Точно дождикъ мелкій,
Что же это значитъ,
Если сердце плачетъ?

Падая на крыши,
Плачетъ мелкій дождикъ,
Плачетъ тише, тише,
Падая на крыши.

И дождю внимая,
Сердце тихо плачетъ.
Отчего не зная,
Лишь дождю внимая.

И ни зла ни боли!
Все же плачетъ сердце,
Плачетъ оттого ли
Что ни зла ни боли?

БѢДНЫЕ ДОБРЫЕ ПОМЫСЛЫ...

Бѣдные добрые помыслы, снова я вижу васъ, снова,
Крѣпкая вѣра и грусть о растраченной силѣ былого,
Разумъ суровый съ печальной и нѣжно покорной душой,
Строгая бдительность эта и сердцу внушенный покой.
Всѣ вы! Покуда идете вы медленно, робко и вяло,
Шли бы вы бодро, но теплая ночь ваши очи застлала.
Всѣ вы идете за самой неловкой, и свѣтомъ луны,
Бѣлымъ и сладостнымъ свѣтомъ, вы бѣдные всѣ смущены.
Всѣ вы, какъ овцы, что только что вышли изъ хлѣва на волю:
Тихо одна за другой, опустивъ свои головы, въ полѣ,
Жмутся онѣ и ступаютъ, пугливо взирая кругомъ,
Тихо проходятъ, не зная куда, за своимъ вожакомъ.
Онъ остановится — всѣ онѣ, тотчасъ, не зная причины,
Кротко застынутъ, сложивъ свои морды другъ другу на спины.
Бѣдныя овцы, вашъ пастырь не я, я не вижу пути,
Это Иной и Достойный — Онъ знаетъ куда васъ вести.
Онъ васъ держалъ взаперти, но настанетъ минута и стадо
Выпуститъ Онъ и своею рукой поведетъ куда надо.
Овцы, идите за Нимъ, и подъ блеянье вашихъ сердецъ,
Буду я псомъ пастуха моихъ бѣдныхъ и добрыхъ овецъ.

АРТЮРЪ РЕМБО

1854—1891

А. Рембо родился 20 октября 1854 г. въ небольшомъ городкѣ Шарлевиллѣ. До пятнадцати лѣтъ онъ жилъ въ семьѣ; и уже тогда пристрастье къ описаніямъ путешествій предсказывало его столь необычайный жизненный путь.

16-ти лѣтъ онъ впервые тайно покинулъ домъ, надѣясь дойти до Парижа. Возвращенный обратно, онъ, черезъ нѣкоторое время, снова убѣгаетъ изъ дому и блуждаетъ въ Арденахъ, около Шарлеруа. Безъ денегъ, голодая и не имѣя пристанища, чувствуя безвыходность своего положенія, Рембо рѣшается еще разъ вернуться въ свой родной городъ. Вскорѣ онъ снова уѣзжаетъ; на этотъ разъ попадаетъ въ Парижъ, во время торжества Коммуны, вступаетъ въ ряды революціонеровъ и послѣ разгрома (71-го года) бѣжитъ въ Шарлевилль.

«Мнѣ кажется самымъ невыносимымъ» — писалъ Рембо, — оставаться долго на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Я хотѣлъ бы объѣхать весь свѣтъ, который въ концѣ-концовъ уже не такъ великъ». Этими словами объясняется весь ходъ жизни Рембо. Изъ Шарлевилля онъ обращается съ письмомъ къ П. Верлену и посылаетъ ему свои стихи. Верленъ, увлеченный этимъ необычнымъ юношей, зоветъ Рембо въ Парижъ. Но введенный въ литературные круги Рембо производитъ на всѣхъ отталкивающее впечатлѣніе. Неразгадавшіе его генія, друзья Верлена видѣли въ Рембо лишь заносчиваго и дерзкаго мальчишку. Только Верленъ понялъ восторженную и неутоленную душу своего молодого друга и ради него, со свойственной ему страстью, пожертвовалъ семейнымъ счастьемъ, добрымъ именемъ и позже свободой. Въ 1872 г. оба поэта тайно покидаютъ Парижъ и бродятъ по Англіи и Бельгіи. Но бродягѣ Рембо скоро наскучила совмѣстная жизнь и, жаждая свободы, онъ рѣшилъ разстаться съ Верленомъ. Это привело къ тяжелому концу. Верленъ въ раздраженіи выстрѣлилъ въ Рембо. Выйдя изъ госпиталя, Рембо былъ высланъ изъ Бельгіи, вернулся въ Шарлевилль и тамъ издалъ свою книгу «Une Saison en Enfer», которую вскорѣ уничтожилъ. Онъ путешествуетъ потомъ по Ев-

ропѣ, записывается добровольцемъ въ голландскія войска на Явѣ, бѣжитъ оттуда подъ страхомъ смерти, грозящей дезертирамъ, но счастливо достигаетъ Англіи. Тамъ онъ получаетъ должность кассира бродячаго цирка и объѣзжаетъ съ труппой Англію, Голландію и Швецію. Но, наконецъ, сбываются его завѣтныя мечты, ему удается достать небольшія деньги, покинуть надоѣвшую ему Европу; онъ проникаетъ вглубь Африки, ведетъ торговлю съ неграми и съ англійскими купцами и посылаетъ оттуда доклады въ Парижское географическое общество. Тамъ онъ остается около 15 лѣтъ, окруженный любовью туземцевъ, которые звали его «Рембо. Праведный». Въ 1891 г. онъ получаетъ тяжелую болѣзнь ноги требующую операціи. Больной онъ пріѣзжаетъ въ Марсель, героически переноситъ ампутацію и умираетъ 10 ноября 1891 г. Сестра Рембо такъ разсказываетъ о его послѣднихъ минутахъ: «Закрытыя плотно двери и ставни, зажженныя лампы, свѣчи, тихіе звуки маленькой шарманки... Онъ переживалъ вслухъ вновь свою жизнь, воскрешая картины дѣтства и мечтая о будущемъ. Такъ узнали мы, что тамъ въ Африкѣ онъ зналъ о своемъ литературномъ успѣхѣ во Франціи, но онъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что бросилъ поэзію, говоря: «это было все очень скверно»!

Это «скверное», эти стихи 16—17-ти лѣтняго мальчика мы можемъ назвать геніальными. Въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ, какъ «Пьяный Корабль» (неоднократно переведенный на русскій языкъ) и др., Рембо достигаетъ при полной самостоятельности рѣдкой силы впечатлѣнія. Еще быть можетъ выше стоитъ проза Рембо, его «Une saison en Enfer». Вначалѣ непризнанный, Рембо скоро занялъ свое мѣсто среди поэтовъ символистовъ. Поль Клодель, одинъ изъ крупнѣйшихъ писателей современной Франціи, говоритъ, что изъ всѣхъ книгъ наибольшее вліяніе на его душу оказалъ то ненькій томикъ Рембо.

Сочиненія Рембо изд. «Mercure de France»: Oeuvres de Jean Arthur Rimbaud. Тѣмъ же издательствомъ собраны письма Рембо: Lettres de Jean Arthur Rimbaud 1899. О Рембо см.: Paterne Berichon: La Vie de J. A. Rimbaud — Ernest Delahaye. Rimbaud. Reims. 1906.

По русски: Анненскій «Тихія пѣсни» — Брюсовъ «Французскіе лирики XIX вѣка» 2-ое изданіе Р. де-Гурмонъ «Книга Масокъ» — Статья въ «Русской Мысли» за 1913 г. «Жизнь и творчество Рембо» и др.

СОНЪ НА ЗИМУ.

Ей.

Зимой уѣдемъ мы въ вагонѣ розовомъ и скромномъ,
Среди подушекъ голубыхъ,
Намъ будетъ хорошо, и въ каждомъ уголкѣ укромномъ
Гнѣздо для нашихъ ласкъ шальныхъ.

Ты глазъ закроешь, чтобъ не видѣть, въ этотъ часъ вечерній,
За окнами, большихъ тѣней,
Чудовищныхъ кривляній ихъ и всей противной черни
Большихъ и маленькихъ чертей.

Ты станешь, можетъ быть, еще смущеннѣй и краснѣе,
Когда, твою щеку ужаливъ, побѣжитъ по шеѣ
Мой поцѣлуй, какъ паучекъ.

Ты скажешь «поищи его», склонивъ свою головку,
И мы начнемъ искать того, кто, такъ умно и ловко,
Ужалилъ лучшую изъ щекъ.

LES CHERCHEUSES DE POUX.

Когда ребенокъ, полный красной муки,
Оплакиваетъ сказокъ бѣлый дымъ,
Двѣ старшія сестры, закинувъ руки,
Къ кровати маленькой идутъ за нимъ.

Ведутъ къ окну, раскрытому широко,
Гдѣ листья моетъ вечеръ голубой,
И съ нѣжностью, особенно жестокой,
Скользятъ въ кудряхъ, обрызганныхъ росой.

Онъ слушаетъ, какъ сестры дышатъ ровно,
Въ дыханьи ихъ сокрытъ цвѣточный медъ.
И иногда одна изъ нихъ любовно
Его тѣмъ ароматомъ обдаетъ.

И въ тишинѣ трепещутъ ихъ рѣсницы,
Исходитъ свистъ изъ ихъ прилежныхъ устъ.
Когда-жъ ихъ взоръ добычей насладится,
Подъ острыми ногтями слышенъ хрустъ.

Онъ чувствуетъ вино сладчайшей лѣни,
Подъ ласками сестеръ не плачетъ онъ,
Обвѣянъ нѣгой медленныхъ движеній,
И словно погружаясь въ тихій сонъ.

ЖАНЪ МОРЕАСЪ

1856—1910.

Ж. Мореасъ родился 15-го апрѣля 1856 г., въ Аѳинахъ. Его настоящая фамилія Пападіамантуло. Съ дѣтства Мореасъ пристрастился къ французской литературѣ и юношей уѣхалъ въ Парижъ. Этотъ городъ и его особенная жизнь настолько увлекли Мореаса, что, вернувшись по окончаніи университетскаго курса на родину, онъ почувствовалъ, что жить внѣ Парижа не можетъ. Вернувшись обратно во Францію, онъ въ теченіе 20 лѣтъ не покидалъ ея. Отдавъ свой талантъ французской поэзіи, онъ, иностранецъ, сталъ виртуозомъ чуждаго ему языка. Онъ полюбилъ французскій языкъ любовью пламенной, озарявшей его часто холодный и слишкомъ строгій стихъ. Мореасъ съ необычайнымъ рвеніемъ изучилъ французскую поэзію, и средневѣковую и «золотого вѣка» и новую. Во время первыхъ выступленій символистовъ онъ (авторъ извѣстнаго «манифеста» символистовъ) все-же скорѣе тянулся къ прекраснымъ традиціямъ прошлаго, чѣмъ къ мутнымъ и неопредѣлившимся потокамъ молодежи. На любви къ этимъ традиціямъ и была построена такъ назыв. романская школа, недолго существовавшая, вдохновленная исключительно индивидуальностью Мореаса.

Одно время Мореасъ увлекся свободнымъ стихомъ; въ его книгѣ »Le Pelerin Passioné« есть рядъ стихотвореній написанныхъ неправильнымъ размѣромъ. Но очень скоро Мореасъ вернулся къ «александрійскому» метру, говоря: «я оставилъ свободный стихъ, чувствую всю грубость его достиженій и всю иллюзорность его свободы. Въ традиціонномъ стихосложеніи больше благородства, больше затаеннаго разнообразія, но надо быть хорошимъ мастеромъ»...

Воистину Мореасъ былъ прекраснѣйшимъ изъ мастеровъ, онъ умѣлъ отбирать слова, находя ихъ въ забытыхъ ларцахъ средне-

вѣковой поэзіи, онъ умѣлъ ихъ нанизывать въ блестящія, краткія и сильныя строфы. Въ его «Стансахъ» поражаютъ восьмистишія, выразительныя, сжатыя, насыщенныя ясной и благородной мыслью. Тоску и мятежность парижанина конца XIX вѣка онъ сумѣлъ облечь въ безукоризненныя формы, которыя таились, какъ воспоминанія, въ его душѣ Эллина.

Кромѣ стиховъ Мореасъ написалъ книгу прозы «Contes de la Vieille France», гдѣ съ любовью и съ большимъ чутьемъ возсозданы легенды старой Франціи.

Мореасъ умеръ, близъ Парижа, въ Сенъ-Мандэ, 30-го марта 1910 года.

Книги: Premières Poésies (1883—1886) — Poèmes et Silves (1886—1896) — Les Stances — Contes de la Vielle France, prose Esquises et Souvenirs, prose изданы всѣ «Mercure de France».

О Мореасѣ см. Ch. Maurras Jean Moréas Plon. 1891 — J. de Gourmont. Jean Moréas. Sansot 1905.

На русскій языкъ Мореаса переводили Брюсовъ и др. См.: Французскіе лирики XIX вѣка.—Р. де Гурмонъ. Книга масокъ 1912. Некрологъ Мореаса В. Брюсова въ «Русской Мысли» 1910.

САТИРЫ И ОСЕНЬ.

Вчера, блуждая по рѣдѣющему лѣсу,
Я встрѣтилъ трехъ сатировъ за кустомъ.
Одинъ, какъ будто подражая Геркулесу,
Махалъ большимъ оливковымъ стволомъ,
Другой тащилъ свой козій мѣхъ. Сгущались тѣни,
И вечеръ гасъ въ прозрачной вышинѣ,
А третій, сидя на замшенномъ пнѣ,
Дулъ нѣжно въ дудочку, и въ тишинѣ осенней
Протяжный звукъ дрожалъ едва-едва,
И два сатира, прыгая, вкругъ пня плясали,
Шуршала подъ копытами трава
И листья мертвые испуганно взлетали.

СТАНСЫ.

I.

Когда тебя гнететъ судьба земная.
Надъ ней смѣешься ты,
На лирѣ ты играешь, самъ не зная
Къ чему твои мечты.
Осудитъ, можетъ быть, старикъ ученый
Твой безполезный даръ,
Не вѣрь ему — у Музъ и Аполлона
Такъ много дивныхъ чаръ.
Оставь людей! Растутъ и крѣпнутъ дѣти,
Смѣняютъ стариковъ,
Но для тебя ихъ жизнь, какъ все на свѣтѣ,
Лишь средство для стиховъ.

II.

Когда, рыдая точно надъ могилой,
Въ златые листья облаченъ,
Промчался надъ долинами унылый
Печальный Аквилонъ,

Что разсказалъ онъ вѣткѣ, сохранившей
Послѣдній жалкій цвѣтъ,
Зарѣ ноябрьской и душѣ, таившей
Еще былого слѣдъ?

III.

О море, когда я приду къ тебѣ снова,
И сяду одинъ надъ тобой,
Чтобъ скучныя жалобы сердца земного
Покрылъ твой растущій прибой,

Не только кидай въ меня пѣной соленой,
Хлестни меня острой волной,
Чтобъ въ горечи спалъ я, навѣкъ утоленный
Твоей золотой глубиной.

IV.

Мнѣ внемлютъ только мертвецы, и я живу въ могилахъ
Я ненавижу самъ свою игру,
Кидаю горстью сѣмена для вороновъ унылыхъ
И пышной жатвы я не соберу.

Я не ропщу на жизнь... Что сердцу буйства Аквилона
И клевета и боль и горечь дней,
Когда касаюсь я тебя, о лира Аполлона,
И ты звучишь все чище и сильнѣй?

V.

Внезапно прорывая муть небесъ тяжелыхъ,
На воды, на сады и на печаль мою,
Сквозь вѣтки праздныя каштановъ полуголыхъ,
Ты, солнце осени, льешь теплую струю.

Но для чего? Оставь осенней непогоды
И холодъ злой, и вѣтеръ, и ночей печаль,
Которые срываютъ листья, мутятъ воды
И душу дѣлаютъ упорной, точно сталь.

ПОЛЬ РУАНАРЪ

1856

Поль Руанаръ родился въ Невшатель-энъ-Брэ 4-го февраля 1856 г. 12-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Руанскій лицей, учился плохо и кончилъ курсъ двадцатилѣтнимъ юношей. Послѣ борьбы съ семьей, Руанару удалось уѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ одновременно записался на медицинскій факультетъ и въ художественную академію.

Въ это время онъ написалъ мпожество стихотвореній, впослѣдствіи имъ уничтоженныхъ. Порвавъ окончательно съ семьей, послѣ года военной службы Руанаръ очутился на улицѣ безъ всякихъ средствъ къ сущеэтвованію. Семь лѣтъ онъ прожилъ, голодая, безъ жилища, и голько благодаря необычайному здоровью и рѣдкой силѣ воли вышелъ изъ этого испытанія крѣпкимъ и бодрымъ. Чтобы достать нѣсколько франковъ на обѣдъ, онъ писалъ стихи для бумажскъ, въ которыя кондитеръ завертывалъ карамель, или рисовалъ вывѣски и рекламы. Получивъ мѣсто въ конторѣ банка, онъ недолго наслаждался покоемъ и скоро былъ уволенъ за чрезмѣрную разсѣянность. Въ 1886 г. ему удалось напечатать сборникъ стнховъ «Nos Plaies», благодаря которому онъ вошелъ въ литературные кружки «молодыхъ». Проводя свои революціонныя тенденціи не только въ поэзіи, но и въ общественныхъ взглядахъ, Руанаръ основалъ кружокъ «La Butte» съ анархическими устремленіями. Его имя пріобрѣло нѣкоторую извѣстность и онъ удостоился предложенія отъ одного «высокопоставленнаго» лица написать стихотворную оду, за которую долженъ былъ получить орденъ, но рѣшительно отклонилъ его. Недовольный своей первой книгой Руанаръ уничтожилъ ее, скупая въ магазинахъ оставшіеся экземпляры.

Въ 1891 г. Руанаръ работалъ въ «Theatre d'Art» надъ постановкой «Пѣсни Пѣсней». Онъ хотѣлъ ввести кромѣ зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій въ зрительной залѣ рядъ мѣняющихся запаховъ. Попытка успѣха не имѣла и вызвала въ прессѣ лишь рядъ злобныхъ насмѣшекъ. Тогда Руанаръ выпустилъ антологію подъ заглавіемъ «Портреты будущаго вѣка», въ которой попытался дать характеристику молодыхъ и неизвѣстныхъ публикѣ поэтовъ, но и эта работа раздѣлила судьбу театральной постановки. Руанару пришлось вновь взяться за вывѣски лавокъ. Въ уединеньи онъ началъ работать надъ драмой «La Legende Rouge», долженствовавшей дать синтезъ его революціонныхъ идей, но работа была неожиданно прервана.

Преслѣдуемый, выгнанный изъ дому, онъ очутился снова на улицѣ. Ко всему букинистъ купилъ всѣ сохранившіеся экземпляры «Nos Plaies» и украсилъ ими книжные ларьки набережной Сены. Въ связи съ извѣстнымъ «процессомъ тридцати» Руанаръ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, полиція явилась на квартиру съ предписаніемъ объ арестѣ. Но Руанаръ въ то время благополучно бродилъ по Брюсселю. Пріѣхавъ туда съ 5 франками въ карманѣ, онъ прожилъ два года, занимаясь журналистикой, каррикатурами, авіаціей, мѣняя кисть маляра на перо корреспондента, или на пуховку гриммера. Изъ Брюсселя его тоже выслали, какъ анархиста, но потомъ оставили. Среди всего этого онъ ухитрился работать надъ своимъ главнымъ произведеніемъ «Les Miroires». Черезъ два года онъ возвратился въ Парижъ опять съ 5 франками въ кошелькѣ, но зато съ законченной драмой. Въ Парижѣ онъ началъ мечтать о постановкѣ «Les Miroires», собравъ по подпискѣ нужныя деньги, но подъ вліяніемъ дѣла Дрейфуса пришлось, несмотря на положенныя усилія, бросить представленіе. Уѣхавъ въ деревню, Руанаръ написалъ книгу стиховъ, изданную въ 1902 г. «La Mort de Rève». За послѣдніе года судьба стала снисходительной къ Руанару; ему удалось выпустить въ свѣтъ «Les Miroires», литературная молодежь окружила его заслуженнымъ вниманіемъ, на рядѣ банкетовъ, въ спеціальномъ номерѣ «L'heure qui sonne» и въ другихъ журналахъ, воздавъ должное этому истинному поэту и благородному человѣку, чей юный и непримиримый обликъ отталкивалъ отъ себя продажную прессу, салонныхъ читателей и мѣщанскихъ «эстетовъ».

Будучи по характеру своего творчества типичнымъ «символистомъ», Руанаръ одинъ изъ первыхъ возжаждалъ къ лирической поэзіи единаго синтеза стройныхъ построеній. Вотъ почему рядъ молодыхъ поэтовъ, такъ наз. «симультанистовъ» считаютъ его своимъ учителемъ и предтечей.

Книги Руанара: „Nos Plaies“ 1886. La mort du Rêve 1902. Sur l'Avenue sans fin 1906. Les Miroires 1909. О Руанарѣ см.: книгу Henry Strentz изд. Editions de la Province 1911 г.

О Руанарѣ см.: книгу Henry Strentz изд. Editions de la Province 1911 г.

СТАРИКЪ

(отрывокъ)

Они сказали мнѣ: молись, нисходитъ мракъ полночный.
Пора! Ты слишишь ли зимы растущій шагъ,
Назавтра — смерть, Ему молись, и въ часъ урочный
Сойдетъ огонь въ твой гаснущій очагъ.
Я видѣлъ на глазахъ бродяги слезы бѣшенства застыли,
Какъ волкъ, онъ брелъ по голубой долинѣ,
Собаки встрѣчныхъ селъ уныло выли...
Приди! Покой безъ сновъ и радость безъ унынiй,
Я вижу, нынѣ, на рябинахъ, бѣлый иней.
Я чистъ отъ злобы и душа моя закрыта для надежды;
Кидалъ я случаю минутныя мечты...
И вотъ я вижу жизнь мою, раскрывъ широко вѣжды.
Безцѣльный мигъ, теперь приходишь ты!
Какъ пастырь, передъ ночью, на лугу высокомъ,
Сбираетъ и считаетъ зябнущихъ овецъ,
Я вижу путь пройденный, вѣщимъ окомъ,
И въ одиночествѣ пріемлю свой конецъ,
И все, что было позади, и все, что впереди...

Голосъ бѣдняка:

О смерть, отъ сердца моего и отъ тебя самой меня освободи!

ПОДРУГА ПОЭТА.

Восторгъ предъ нимъ замолкъ вокругъ,
Но я его величье возрождаю.
Пусть тѣло бренное переживетъ нетлѣнный духъ.
О смерть, владычица слѣпая,
Ведешь ты страшную игру,
Ты свѣжій пепелъ сѣешь, стоя на вѣтру.
Но нынѣ я хочу съ тобой сразиться,
Я для его Твореній, торговавшая собой,
Тебя зову на этотъ бой,
Незрѣлыхъ нивъ безсмысленная Жница!
Я бронзой отолью его былое вдохновенье,
У ногъ холодныхъ сяду я,
И пусть сольется съ статуи спокойной тѣнью
И тѣнь печальная моя.

АЛЬБЕРЪ САМЭНЪ.

1858—1900

А. Самэнъ родился 3 апрѣля 1858 г. въ Лиллѣ. Рано лишивши сь отца, принужденный содержать свою мать, младшихъ сестеръ и братьевъ, Самэнъ вышелъ изъ коллежа и поступилъ на службу въ маленькую контору. Занятый съ утра до вечера отупляющей умъ работой, Самэнъ въ часы воскреснаго отдыха любилъ уходить одинъ за городъ и мечтать о Парижѣ, который казался ему невозможнымъ, почти сказочнымъ счастьемъ. Въ 1880 г. онъ попалъ наконецъ въ желанный Парижъ, но и тамъ, проводя долгіе дни за конторкой, онъ не могъ отдаться ничему, кромѣ утомительныхъ и томившихъ его цифръ. Чтобъ выйти изъ этого невыносимаго положенія Самэнъ рѣшилъ заняться литературой ему удалось помѣстить въ провинціальномъ журналѣ два маленькихъ разсказа, и это дало ему бодрости. Но попробовавъ отослать свои произведенія въ другіе журналы, онъ встрѣтилъ всюду рѣшительные отказы. Черезъ три года ему удалось перейти изъ банка въ канцелярію муниципалитета, гдѣ ему досталась должность мелкаго чиновника. Въ это время Самэнъ началъ писать стихи. Онъ пробовалъ отнести ихъ на судъ Банвилю, но «маститый» поэтъ принялъ Самэна съ обидной снисходительностью; зато ему удалось познакомиться съ нѣсколькими молодыми поэтами, среди нихъ былъ Луи ле Кардоннель, которые собирались въ маленькомъ кабарэ Монмартра и читали другъ другу свои первые стихи. Но въ душѣ Самэнъ попрежнему оставался одинокимъ. Онъ писалъ, приходя со службы, въ маленькой сѣрой комнатѣ свои стихи изысканные и въ тоже время простые, переписывалъ тщательно ихъ, лишь иногда роняя тихія жалобы—«Душа должна любить, какъ тѣло—ѣсть, и бываютъ души, которыя умираютъ отъ голода». Въ 1890 г. онъ выпустилъ сво и стихи, подъ заглавіемъ «Въ Саду Инфанты». Книга

была тепло встрѣчена, послѣ статьи Коппе все изданіе разошлось и Самэнъ могъ познать славу. Но до нельзя скромный, застѣнчивый онъ продолжалъ просиживать дни въ своей канцеляріи, встрѣчаясь по вечерамъ лишь съ немногими друзьями. Въ 1896 г. онъ поѣхалъ съ однимъ другомъ въ Италію и это было быть можетъ единой радостью, испытанной имъ въ жизни. Въ 1898 г. умерла мать Самэна, которую онъ любилъ съ исключительной силой и нѣжностью. Это подорвало его, слабое безъ того здоровье, друзья увезли его въ маленькую деревушку Маньи и тамъ онъ медленно гасъ, спокойно грустный, улыбкой примиренія стараясь успокоить окружающихъ. Онъ умеръ 18-го августа 1900 г.

Въ стихахъ Самэна отразилась его душа, не для жизни созданная, по его словамъ «душа женщины». За пышнымъ платьемъ Инфанты легко угадать глаза, полные восторга и ужаса, глаза обреченной и прозрѣвшей.

Книги Самэна — Au Jardin de l'Infante — Au Flancs des Vases — Le Chariot d'Or — Contes — Polyphème (драма въ стихахъ) — выпущены и-вомъ «Mercure de France», послѣднія три послѣ смерти Самэна.

О Самэнѣ лучшая книга написана Léon Bocquet. Albert Samain. Sa Vie, son Oeuvre, съ предисловіемъ Фр. Жамма, и-во Mercure de France. Еще см. Albert de Bersancourt. Conférence sur A. Samain, ed. Jouve 1907.

По русски: В. Брюсовъ. Французскіе лирики XIX вѣка. 2-ое изданіе — Р. де Гурмонъ. Книга Масокъ.

МОЯ ДУША

Моя душа, инфанта въ пышномъ облаченьи,
Ея унынье отражается устало,
Въ пустынныхъ пыльныхъ зеркалахъ Эскуріала,
Какъ въ тихой гавани галера безъ движенья.

Она сидитъ, у ногъ охотничья собака,
Которая въ густыхъ лѣсахъ очарованья,
Охотится за странной и волшебной ланью,
Послушная инфанты роковому знаку.

Ея любимаго пажа зовутъ «Былое»,
Онъ ей вполголоса стихи читаетъ,
Ихъ тайнѣ умирающей она внимаетъ
Съ тюльпаномъ золотымъ въ молчаньи и въ покоѣ

Она обречена, она покорна, зная,
Что больше удивляться ничему не надо,
Когда обманчиво встаетъ предъ ней Армада,
Она становится еще грустнѣй, рыдая.

Она рыдаетъ, темной гордостью объята,
Когда на темномъ золотѣ стѣны, рядами,
Вандиковы портреты съ тонкими руками
Глядятъ въ послѣдній мигъ багроваго заката.

И иногда миражъ поблекшій и старинный,
Какой то тусклый отблескъ пышнаго былого,

Ее, какъ будто, къ жизни пробуждаетъ снова
И зажигаетъ скрытой гордости рубины.

Но, быстро отстраняя этотъ пылъ случайный,
Она покою ночи предается вскорѣ,
И жизнь доходитъ къ ней издалека, какъ море,
И на уста ея ложится глубже тайна.

Вода ея очей какъ будто неживая,
Стоячая, подобная пустымъ каналамъ,
Она идетъ по темнымъ и заглохшимъ заламъ,
Себя волшебными словами усыпляя.

Звенитъ вода дворцовъ задумчивымъ фонтаномъ.
Въ былого зеркала роняя отраженье,
Она мечтаетъ грустно, съ золотымъ тюльпаномъ,
Какъ въ тихой гавани галера безъ движенья.

Моя душа—инфанта въ пышномъ облаченьи.

ВЕЧЕРЪ.

Блѣднѣетъ небо, точно золотое море.
Равнина думаетъ о чемъ то, не дыша...
Въ такомъ огромномъ, темномъ и пустомъ просторѣ
Восходитъ ночи величавая душа.
Послѣдній лучъ еще блуждаетъ слабъ и тонокъ,
И на ночлегъ бредутъ послушные быки.
Усѣвшись на порогѣ маленькихъ избенокъ,
Прохладу вечера вдыхаютъ старики.
Земля подъ легкій звонъ колоколовь
Проста, какъ на картинахъ старыхъ мастеровъ,
Гдѣ Добрый Пастырь на лугу пасетъ ягненка.
Ужъ звѣзды сыплятъ бѣлый снѣгъ, а ночь тиха,
И только гдѣ то вдалекѣ, у ивы тонкой,
Чернѣетъ силуэтъ печальный пастуха.

ВЕРСАЛЬ.

О Версаль, въ это время осеннихъ томленій
Отчего твое прошлое давитъ меня?
Приближаясь, ложатся печальныя тѣни
И далеко дыханье горячаго дня.

Красоту твою чище и лучше храня,
Нѣжитъ золотомъ вечеръ больной и осѣнній.
Рыжій листъ, подъ ногами уныло звеня,
Улетаетъ на прудъ, на пустыя ступени.

Вотъ бассейны твои, острова и дельфины
И сады, гдѣ теперь не гуляютъ дофины,
И былое величье плюмажей большихъ.

Ты, какъ лилія гордъ, умирая безмолвно,
И средь ночи фонтановъ замшенныхъ твоихъ
Только плачутъ послѣднія слабыя волны.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Вечера апрѣля! Неба сводъ лазурный.
Ангелъ съ наклонившейся случайно урной.
О какой восторгъ въ сердцахъ встаетъ опять
И кладетъ на женщинъ томную печать.
Гаснутъ золотыя розовыя зори,
Городъ въ этотъ мигъ поетъ вдали, какъ море.
Пріоткрыта кѣмъ то дверь въ весенній садъ,
И въ пыли зеленой тополя дрожатъ.
Изъ воротъ идутъ толпой мастеровые,
И звенятъ о камень каблуки большіе...
Кажется Святая Вероника ждетъ,
Чтобы снять съ ихъ лицъ усталыхъ гарь и потъ.
Кончена работа, завтра — завтра Пасха,
Колоколъ поетъ съ какой то грустной лаской,
Пробуждая въ сердцѣ все, что спитъ въ пыли,
Все, что мы изъ дѣтской вѣры сберегли.
Но ужъ ночь языческая тихо встала,
Скрывъ улыбку строгой складкой покрывала.
И, омытый ночи голубой водой,
Ясно выступаетъ мѣсяцъ молодой.
Чьи то женскія невидимыя руки
Опускаются, разсѣивая звуки.
Гаснутъ краски, кротко тонутъ голоса,
И синѣютъ голубыя небеса.
Мигъ, когда душа толпы, однимъ объята,
Умираетъ вмѣстѣ съ заревомъ заката.
Вечера апрѣля! Шопоты вокругъ,
Томность губъ и потаенный трепетъ рукъ.
И Амуръ рукой невинной, но умѣлой,
Изъ колчана золотого вынулъ стрѣлы.
Сходитъ медленно весенней ночи мгла,
И въ рукѣ его жестокая стрѣла...

РЕМИ ДЕ ГУРМОНЪ.

1858

Р. де Гурмонъ родился въ помѣстьи Ламоттъ 4-го апрѣля 1858 г. Въ 1883 г. онъ занялъ должность одного изъ завѣдующихъ Національной Библіотекой. Въ 1886 г. появилась въ свѣтъ его первая книга — романъ «Merlette». Съ тѣхъ поръ съ именемъ Гурмона выходили книги по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, и среди нихъ стихи. Человѣкъ высоко образованный, съ тонкимъ вкусомъ и изощренной душой Р. де-Гурмонъ, какъ въ оцѣнкѣ и пониманіи другихъ поэтовъ (Книга Масокъ и др.), такъ и въ собственныхъ стихахъ — является ярко выраженнымъ типомъ «эстета». Съ сладострастіемъ гастронома онъ разсматриваетъ и религію и поэзію. Всегда безукоризненные по формѣ, всегда умѣло сдѣланные, его стихи займутъ свое мѣсто, среди французскихъ поэтовъ конца XIX вѣка.

Р. де Гурмонъ выпустилъ свыше 50 книгъ. Здѣсь названы лишь стихи и нѣкоторыя книги о поэзіи: «Le Livre de Masques» (2 volumes) «Mercure de France» — Les Saintes du Paradis 1898 — Oraisons Mauvaises 1900 — Simone 1901 — Promenades littèraires (2 volumes).

О Гурмонѣ см. — Pierre de Quillon R. de Gourmont. Sansot ed 1908. «Книга Масокъ» переведена Блиновой и Кузминымъ на русскій языкъ. И—во „Грядущій день“. 1912.

ВЪ ЦЕРКВИ.

Симонъ, покорные, мы пойдемъ съ тобою,
Навстрѣчу крестьянамъ, идущимъ съ серпами.
Я калитку предъ тобой открою,
И собака поглядитъ на насъ грустными глазами.
Пока ты будешь молиться, я помечтаю о трудной ношѣ
Строившихъ эти стѣны, колокольню съ крестами,
О сводахъ, похожихъ на ломовую лошадь.
Нагруженную нашими смертными грѣхами.
Я буду мечтать о людяхъ, которые мощи святого Рока,
Въ тысяча двѣсти двѣнадцатомъ году, закопали,
О тѣхъ, что звонили съ башни высокой,
О тѣхъ, что покрывала церковныя ткали.
О людяхъ, точившихъ камень терпѣливо,
О тѣхъ, что колоколъ украсили рѣзьбою тонкой,
Нарисовали на стеклахъ королей благочестивыхъ
И спящаго въ маленькихъ ясляхъ ребенка.
Я буду мечтать о тѣхъ, что ковали крестъ старинный,
Пѣтуха, звѣрей и двери съ замками,
О тѣхъ, что изъ дерева выточили святую Екатерину,
Которая покоится, со сложенными на груди руками.
О тѣхъ, что служили длинныя литургіи,
О рукахъ, которыя другія руки благословляли,
Я буду мечтать о кольцахъ, о свѣчкахъ, объ агоніи,
О слезахъ женщинъ, объ ихъ печали.

Я буду мечтать о кладбищѣ, гдѣ лежитъ, отдыхая,
Столько ушедшихъ, далекихъ, забытыхъ,
Отъ которыхъ осталась лишь трава густая,
Да имена на старыхъ замшенныхъ плитахъ.
Когда мы выйдемъ, будетъ темно на дорогѣ,
Мы будемъ, какъ бѣлые призраки во мракѣ,
Мы вспомнимъ о жизни, о смерти, о Богѣ.
Объ оставленной дома собакѣ.

★

Да будутъ руки грѣшныя твои благословенны,
За скрытые грѣхи, за потаенныя измѣны.
Большія лиліи твоихъ ногтей, рождая страхъ,
Напоминаютъ о похищенныхъ Святыхъ Дарахъ.
И умирающій въ кольцѣ твоемъ опалъ —
Послѣдній вздохъ Того, Кто на крестѣ страдалъ.

Да будутъ груди богохульныя благословенны,
Цвѣтокъ, для взоровъ обнаженный откровенно,
Собравшій жатву всѣхъ ласкавшихъ рукъ и устъ,
Рукамъ прохожаго доступный придорожный кустъ.
На немъ печальный гіацинтъ, мечтая, задремалъ —
Послѣдняя любовь Того, Кто на крестѣ страдалъ.

Да будутъ сладострастныя уста благословенны,
Таящія какой-то вкусъ весеннихъ розъ и тлѣна,
Впитавшія сладчайшій сокъ таинственныхъ цвѣтовъ,
Ихъ нѣжный лепетъ, точно робкій трепетъ тростниковъ.
Рубинъ холодный устъ жестокъ, унылъ и алъ —
Послѣдняя изъ ранъ Того, Кто на крестѣ страдалъ

Да будетъ извращенная душа благословенна,
На шумной улицѣ забытый изумрудъ надменный.
Онъ, гордый, грязью уличной придавленъ и обвитъ,
И камень мостовой его, какъ Крестный Путь томитъ.
Въ грязи ликующей, ногой я растопталъ
Послѣдній сонъ Того, Кто на крестѣ страдалъ.

СНѢГЪ.

Симонъ, печальный снѣгъ въ саду лежитъ, бѣлѣя,
Симонъ, какъ снѣгъ, бѣлы твое плечо и шея.

Твоя рука холодная, какъ снѣгъ, застыла,
Твоя душа холодная, какъ снѣгъ, застыла.

Снѣгъ таетъ только отъ горячаго лобзанья,
Твоя душа отъ поцѣлуя разставанья.

Печаленъ снѣгъ на вѣткахъ елей, легкій, бѣлый,
Какъ подъ каштановыми волосами тѣло.

Симонъ, гляди, бѣлѣетъ снѣгъ равнины дальней,
Симонъ, ты—снѣгъ, ты—снѣгъ холодный и печальный.

ВОЛОСЫ.

Симонъ, какая тайна
Въ лѣсахъ твоихъ волосъ?

Ты пахнешь розой чайной,
Среди звенящихъ осъ.
Ты пахнешь тминомъ, мятой,
Ты пахнешь рожью сжатой,
Орѣхомъ, мягкимъ мхомъ
И вьющимся плющемъ.
Ты пахнешь воскомъ, хлѣбомъ,
Когда его пекутъ,
Ты пахнешь знойнымъ небомъ,
И такъ, какъ пахнетъ прудъ.
Ты пахнешь липой, ивой,
Когда она цвѣтетъ.
Ты пахнешь спѣлой сливой
И медомъ сладкихъ сотъ.
Ты пахнешь бѣлой кашкой
И верескомъ сухимъ,
Анисомъ и ромашкой
И молокомъ парнымъ.
Ты пахнешь жизнью, сномъ,
Любовью и огнемъ,
И радостью случайной
Необычайныхъ грезъ.

Симонъ, какая тайна
Въ лѣсахъ твоихъ волосъ?

ГЮСТАВЪ КАНЪ.

1859.

Г. Канъ родился въ Мецѣ 21-го декабря 1858 г. Онъ провелъ четыре года въ Африкѣ и это отразилось на его поэзіи, въ которой преобладаютъ восточные образы.

Съ 1881 г. Канъ принимаетъ живое участіе въ литературныхъ сраженіяхъ символистовъ.

Кану, рядомъ съ Вьеле Гриффиномъ принадлежитъ первое мѣсто въ рядахъ создателей свободнаго стиха. Если Гриффинъ является живымъ примѣромъ невозможности для современнаго поэта оставаться въ рамкахъ классической поэзіи, то Канъ, по преимуществу, теоретикъ новой формы. Несмотря на преобладаніе разсудочнаго элемента, въ поэзіи Кана, въ особенности въ его первой книгѣ, рѣзкой и яркой («Les Palais Nomades») много истиннаго чувства и силы.

Стихи Кана: Premières poèmes (1887—1897) — La Pluie et le Beau Temps. Vannier 1895. Le Livre d'Images. «Mercure de France» 1898. Кромѣ этого книга о поэтахъ конца 19-го столѣтія. Symbolistes et décadents. Messein 1902 и рядъ романовъ, сборниковъ, разсказовъ, изъ которыхъ назовемъ: Contes hollandais. Fasquelle 1903 — L'Adultère sentimental «Revue Blanche» 1907 Les Fleurs de la Passion. Ollendorff 1900 — Les Contes de l'Or et de Silence. Mercure de France 1898.

По русски см. Реми де Гурмонъ. Книга Масокъ.

★

Дѣвушки Багдада уѣзжаютъ въ море
На кораблѣ съ веслами бѣлыми.
Грустные странники плачутъ горько
Надъ кустами съ розами бѣлыми.

«За то, что мы дали грустнымъ странникамъ
Заглянуть въ наши очи черныя,
Мы дѣвы и вдовы печальныя
Уплываемъ въ дали черныя».

Дѣвушки, вы приходили весело
Къ фонтану сладкому,
При тихой улыбкѣ вечера,
При свѣтѣ золотого факела.

«Издалека пришедшіе странники,
Заглянувшіе въ наши черныя очи,
Скажутъ: дѣвы нѣжныя и невѣрныя
Насъ покидаютъ для черной ночи».

Корабль украсятъ бѣлыми розами
И весла украсятъ на кораблѣ,
Черные негры будутъ матросами,
И самый мудрый
Поведетъ корабль къ бѣлой землѣ.

Усталый корабль безъ руля и безъ веселъ
Уйдетъ и утонетъ гдѣ то далеко,
И странники не узнаютъ куда насъ забросилъ
Быстрый вѣтеръ чернаго Рока».

★

Что мнѣ, если она любила больше музыканта съ флейтой
Или пѣвца съ гитарой,
Или игравшаго на цимбалахъ во время бала,
Что мнѣ если она любила музыканта съ флейтой
Или пѣвца съ гитарой?

Я упалъ на перекресткѣ,
Подъ саблей вѣрной и острой,
Чьей — музыканта съ флейтой, или пѣвца?

Не знаю, ночь — такая длинная, и долго до конца...

ЖЮЛЬ ЛАФОРГЪ.

1860—1887.

Ж. Лафоргъ родился въ Монтевидео 16-го августа 1860 г. Восьми лѣтъ онъ былъ отправленъ родителями во Францію, въ городъ Тарбъ, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ занимался въ коллежѣ. Въ 1876 г. онъ перевелся въ Парижскій коллежъ и учился въ немъ два года, къ этому времени относятся первыя литературныя знакомства Лафорга съ Г. Каномъ и др. Кончивъ коллежъ, онъ занялся литературой, посылая стихи въ маленькій журналъ «Оса», выходившій въ Тарбѣ. Онъ жилъ въ это время съ семьей въ маленькой квартирѣ, въ Латинскомъ кварталѣ. Въ 1880 г. семья Лафорга уѣхала обратно въ Тарбъ и Лафоргъ остался одинъ. Онъ занимался въ Публичной Библіотекѣ, ради заработка, техническими изслѣдованіями, жилъ въ маленькой каморкѣ отеля, въ нуждѣ и въ одиночествѣ. Въ 1881 г. ему удалось достать мѣсто чтеца при нѣмецкой императрицѣ Августѣ. Пять лѣтъ Лафоргъ провелъ въ Германіи. Въ 1881 г. онъ встрѣтился съ молодой англичанкой, своей будущей женой и, желая жить съ ней въ Парижѣ и отдаться поэзіи, оставилъ должность чтеца и уѣхалъ въ Парижъ. Уже больной туберкулезомъ, Лафоргъ долженъ былъ работать черезъ силу, чтобы прокормить себя и жену. Его организмъ не вынесъ этого и 20-го августа 1887 г. онъ умеръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ за нимъ послѣдовала, заразившаяся той же болѣзнью, жена.

По письмамъ Лафорга, по воспоминаніямъ его друзей, легко возсоздастся душевный обликъ этого прекраснаго и нѣжнаго ребенка. Въ его сердцѣ, глубже безвѣрія и отчаянья таилась великая вѣра и неизбывная любовь. Какъ онъ томился на землѣ! Сколько словъ, отравленныхъ всей мукой хрупкой и тревожной души онъ зналъ, рисуя эти воскресенья въ городѣ, безцѣльные,

мучительно назойливые, когда съ особенной ясностью чуешь нелѣпость и тщету жизни.

Какъ онъ умѣлъ подбирать эти «маленькія несчастья августа», или »маленькія несчастья мая» въ одинъ большой и трагическій рядъ! Онъ часто усмѣхался... Въ письмѣ къ одной знакомой женщинѣ, съ горечью говоря, «я васъ не знаю... Живая у васъ душа? Есть ли у васъ нервы?—сейчасъ же добавляетъ онъ: «не занимаетесь ли вы разводкой ананасовъ, я хочу этимъ заняться!... — и вы слышите какъ больно отъ этого смѣха. Сколько за ироніей, за «нигилизмомъ» этимъ, чистыхъ слезъ богомольной души!

Еще значительнѣе и ярче выявился Лафоргъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ прозой.

Сочиненія Лафорга изданы «Mercure de France» въ трехъ томахъ Moralités Légendaires. Les Deux Pigeons (проза) — Poèsies — Mèlanges posthumes (проза, письма).

О Лафоргѣ см.: Camille Mauclair, Jules Laforgue. «Mercure de France» 1896. — Mederic Dufour: L'Esthetyque de Jules Laforgue, Messein 1905.

На русскій языкъ Лафорга переводили И. Анненскій, В. Брюсовъ и др. И—во Альціона подготовляетъ отдѣльное изданіе стиховъ Лафорга въ переводахъ Н. Львовой, В. Брюсова и Шершеневича.

См. Коневскій. Собраніе сочиненій и—во «Скорпіонъ» — В. Брюсовъ. Французскіе лирики XIX в. 2-ое изданіе. — Р. де Гурмонъ. Книга Масокъ.

ВОСКРЕСЕНЬЯ.

Пастушка, небо надъ рѣкой пустынной
Безцѣльно плачетъ, плачетъ безпричинно.

Сегодня воскресенье, и сегодня
Рѣкѣ безъ лодокъ легче и свободнѣй.

Надъ городомъ къ вечернѣ прозвонили,
И берега пустынны безъ идиллій.

Проходятъ институтки. Мѣхъ на шеѣ,
И въ муфтѣ зябнущимъ рукамъ теплѣе.

Но у одной нѣтъ муфты; ежась хмуро,
Она идетъ. Печальная фигура!

Она внезапно выбилась изъ ряда,
Бѣжитъ... О, Господи, чего ей надо?

Она кидается съ разбѣга въ воду.
И нѣтъ ни лодочки ни парохода...

Ужъ сумерки... Въ порту и у парома
Зажгли огни. (Эффектъ давно знакомый!)

А небо плачетъ надъ рѣкой пустынной,
Безцѣльно плачетъ, плачетъ безпричинно.

ЖАЛОБА О ЗАБВЕНІИ МЕРТВЫХЪ.

Милостивые государи и милостивыя государыни,
Ваша мать умерла теперь,
Добрый могильщикъ пальцами старыми
Скребетъ вашу дверь.

Покойники?
Богъ съ тобой!
Они спятъ спокойно
Подъ своей землей

Вы курите, за кружкой пива
Мечтаете полегоньку,
Гдѣ то прокричалъ пѣтухъ шаловливый...
Покойники спятъ въ сторонкѣ.

Дѣдушка что-то вспоминаетъ,
Скоро спать ляжетъ;
Мать надъ столомъ лампу оправляетъ,
Сестра вяжетъ.

Покойники
Нуждаются въ отдыхѣ.
Они спятъ спокойно
На свѣжемъ воздухѣ.

Вы справляете ваши дѣла за конторками,
Потомъ обѣдаете плотно.

Бѣдные младенцы мертвые
Молчатъ охотно.

Занесите одинаковымъ почеркомъ
Въ приходно-расходной книгѣ,
Межъ балами и расходами прочими.
Похороны и двѣ панихиды.

Маленькая пѣсенка,
Ничуть неунылая:
Жить такъ весело,
Моя милая!

Милостивые государи и милостивыя государыни,
Ваша сестра умерла теперь.
Пустите могильщика стараго,
Онъ стучитъ въ вашу дверь.

Не будьте упрямыми!
Онъ захочетъ
И васъ вытащитъ за ноги
Лунной ночью.

О вѣтеръ безпокойный,
Буйный, бѣшенный!
Покойники?
Но они путешествуютъ...

ВОСКРЕСЕНЬЯ.

О эта рояль, милая, дорогая,
Она плачетъ и плачетъ, не зная стыда,
Надъ моей головой упрямо рыдая,
Она не кончитъ рыдать никогда.

Это нѣсколько вальсовъ, очень старыхъ,
Упражненій деликатный рой,
Нѣжные романы для швейцаровъ,
И «молитва дѣвы молодой».

Убѣжать... Но куда—неизвѣстно,
(Прочитанныя книги на столѣ)!
Нечего дѣлать на улицѣ воскресной,
Нечего дѣлать на этой землѣ!

Воскресное небо тупо застыло,
Что мнѣ сдѣлать изъ длиннаго дня?
Каждый хрипъ шарманки унылой
Теребитъ и тревожитъ меня.

Слушайте, дѣвушка за роялью!
Нѣтъ, не могу я высказать вамъ,
Какъ растутъ мои воскресныя печали
Подъ жалобы вашихъ гаммъ.

Я схожу съ ума отъ сомнѣній,
Будь у меня жена, я бы раздавилъ
Ея милый ротъ и, ставъ на колѣни,
Ей бы съ подлой улыбкой твердилъ:

«У тебя только плоть —это такъ убого,
Ахъ, мое сердце, мое сердце важнѣе всего,
Ты, конечно, поймешь, что немного
Должна пострадать для него!»...

ЛУИ ЛЕ КАРДОННЕЛЬ.

1862.

Луи ле Кардоннель родился въ 1862 г. въ Валенсѣ. Въ 1883 г., пріѣхавъ въ Парижъ, онъ посѣщалъ вечера Маллармэ и сблизился съ поэтомъ Самэномъ. Къ этому времени относятся его первыя литературныя выступленія. Въ 1887 г. онъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ, впервые въ церквяхъ Тосканы испыталъ столь сильно изображенную имъ «жажду Бога«. Рядъ лѣтъ прошелъ въ борьбѣ между растущей вѣрой и сопротивляющимся разумомъ и лишь въ 1894 г. онъ поступилъ въ римскую духовную семинарію. Черезъ два года онъ былъ посвященъ въ аббаты и назначенъ викаріемъ Валенса. Но его притягивала жизнь монаха, тихая и созерцательная, и въ 1896 г. онъ вошелъ въ орденъ бенедиктинцевъ и затворился въ маленькомъ монастырѣ Умбріи, близъ Ассиза.

Стихи Кардонелля, въ первомъ сборникѣ болѣе грустные и болѣзненные, въ «Carmina Sacra» важные и какъ бы окаменѣвшіе, всегда искренни и глубоки. Это цѣлая стройная повѣсть о душѣ, вначалѣ смущенной шорохомъ осенней листвы и звуками Шопена, души заброшенной въ пустыню и напрасно взывающей о Небесной Маннѣ, душѣ, тяжелыми и унылыми дорогами, пришедшей къ полямъ Святого Франциска.

Книги Кардонеля: Poêmes (1904) Carmina Sacra (1912) ed. «Mercure de France». См.: Albert de Bersaucourt. Louis le Cardonnel

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРЕСЛѢДОВАНІЕ.

О Господи, какъ Ты хитеръ, любя,
Ты просишь сдаться насъ, и сердце радо,
Но, радуясь, уходитъ отъ Тебя.

Ища овецъ, отбившихся отъ стада,
И розыскамъ не вѣдая конца,
Ты настигаешь насъ у двери ада.

Ты любишь богомольныя сердца,
Но къ грѣшникамъ любовь Твоя безмѣрнѣй,
И отдохнетъ Заблудшая Овца.

Какъ въ Эммаусѣ, въ тишинѣ вечерней,
Мы, страстно припадемъ къ груди Твоей,
Челомъ, увѣнчаннымъ слѣдами терній.

Сердца усталыя вздохнутъ свѣтлѣй,
И непогибшіе въ ночи, безъ слѣда,
Мы свергнувъ иго смерти и страстей,

Дадимъ Тебѣ послѣднюю побѣду.

ЭПИЛОГЪ.

(Отрывокъ)

И Сена передъ нимъ уныло закачала
Огни, исколотыя крикомъ небеса.
Онъ чуетъ, какъ звучатъ въ душѣ пустой и вялой
Тоски и нищеты глухіе голоса.
Онъ сдастся-ль самъ, прельщенный искушеньемъ,
Забывъ Того, Кому душа обречена.
Отдастся-ль жалкимъ и ничтожнымъ наслажденьямъ
Левитъ, возжаждавшій не этого вина?
Онъ станетъ ли шутомъ людского балагана,
Спѣша на гулъ толпы, на рампы яркій свѣтъ
Молиться красотѣ — земному истукану,
Искусству, возомнившему, что Бога нѣтъ?
Унылый онъ бредетъ по улицѣ пустынной
И только церкви ночью нравятся ему,
Онъ проситъ оконъ аметисты и рубины
Старинным отблескомъ на мигъ разсѣять тьму.
И Голосъ, отвѣчая на признанья эти,
По старому звуча, въ глубокой тишинѣ,
Твердитъ жрецу, еще сокрытому въ поэтѣ,
«Тебя отмѣтилъ Я и ты придешь ко Мнѣ!»...

КИПАРИСЫ.

Осѣняя миромъ и глубокой тѣнью
Виллы, скрытыя застѣнчивой сиренью,
Виллы, гдѣ въ садахъ бѣлѣютъ, какъ когда-то,
Нѣсколько разбитыхъ и замшенныхъ статуй,
И бросая знакъ печали и покоя,
На поля, на нивы, буйныя отъ зноя,
Возвышаясь, какъ монахи, надъ холмами
И бесѣдуя съ какими-то тѣнями,
Сторожа высокіе тосканской дали,
Со стволами, полными печали,
Одиноки, погребальны и унылы.
Вы струите ночь на важныя могилы.

АДОЛЬФЪ РЕТТЕ

1863

Адольфъ Ретте родился въ 1863 г. въ Парижѣ. Окончивъ лицей, поступилъ на военную службу. Въ 1889 г. выпустилъ первый сборникъ стиховъ «Колокола Ночью». Послѣ этого много путешествовалъ и долго жилъ заграницей.

Первыя книги его отдалены отъ жизни и холодны, но около 1895 г. въ его творчествѣ происходитъ поворотъ въ сторону слiянія съ природой и большей простоты. Преданность католицизму смѣняетъ юношескій разсудочный атеизмъ.

Книги Ретте: Oeuvres completés Poèsies 1887—1892. Oeuvres completés Prose. 1898 La seule nuit — roman 1899. Memoires du Diogene roman 1900. Le symbolisme 1903. Virgine puni par l'Amour 1905. Poèsies 1897 — 1606, 1908. De Diable à Dieu 1907.La Regne de la Bête 1908.

См. В. Брюсовъ. Французскіе лирики XIX вѣка, Реми де Гурмонъ. Книга масокъ.

ЗИМНЯЯ ПѢСНЯ.

A Henry Degron.

Съ подругами дама работаетъ въ башнѣ,
Веселая прялка стучитъ и поетъ,
Поетъ о сеньорахъ безстрашныхъ,
Уѣхавшихъ въ дальній походъ.

Веселыя прялки смѣются надъ снѣгомъ,
Веселыя прялки прядутъ и стучатъ:
«Сеньоры одержатъ побѣду,
И скоро вернутся назадъ!»

О, дамы, напрасно, напрасно вы пѣли,
Глядите проходятъ унылые дни.
За днями проходятъ недѣли,
Назадъ не вернутся они!

Ужъ дама дрожитъ одинокая въ залѣ,
Подруги ея на кладбищѣ давно,
Ей волосы саванъ соткали,
И въ залѣ пустынной темно.

Послушай, послушай какъ вѣтеръ заплакалъ,
Надъ башней твоей онъ опять закричалъ,
Задулъ налету этотъ факелъ
И точно больное дитя застоналъ...

О, вѣтеръ! онъ стонетъ, онъ гаситъ огни,
Въ крестовомъ походѣ погибли они!

ХВАЛА ВѢТРУ.

Вѣтра голоса послушай!
Вздохомъ грознымъ онъ склоняетъ травы ницъ
Вздохомъ плавнымъ онъ перегоняетъ птицъ,
Вздохомъ дряхлымъ убаюкиваетъ душу,
Вздохомъ юнымъ гонитъ прочь печаль
И зоветъ куда то вдаль,
Вѣтра голоса послушай!

Въ октябрѣ онъ, пьяный молодымъ виномъ,
Обагренный виноградным сокомъ,
Съ мельницами пляшетъ на лугу пустомъ
И хохочетъ на холму высокомъ.

Въ декабрѣ онъ злобенъ и отваженъ,
Дуетъ изъ замочныхъ скважинъ,
По его приказу пляшутъ флюгера,
Ставни щелкаютъ какъ кастаньеты; вѣтеръ злится,
Чтобы проникнуть въ домъ, срываетъ черепицы,
Покрываетъ рѣки слоемъ серебра,
На поля холодныя, блестящія и синія,
Онъ наноситъ снѣга и густого инея.

А въ апрѣлѣ, нѣжный и весенній,
Онъ играетъ вѣтками сирени.
Подъ его дыханьемъ рѣчки еле-еле
Рябью покрываются въ апрѣлѣ.

И когда онъ тополь налету зацѣпитъ,
Раздается вѣтокъ тихій лепетъ.

Онъ въ іюлѣ тяжело надъ нивами ползетъ,
Пахнетъ пылью и грозой, сбираетъ облака,
И когда крестьяне ѣдутъ съ полевыхъ работъ,
Вѣтеръ сушитъ лошадей вспотѣвшіе бока.

Въ немъ радость, въ немъ жизнь, въ немъ движенье,
Отъ вѣтра становится чище
Тяжелое тлѣнье
Кладбища.

ФРАНСИСЪ ВЬЕЛЕ-ГРИФФИНЪ

1864.

Ф. Вьеле-Гриффинъ родился въ Норфельнѣ (въ Сѣверной Америкѣ) 26-го мая 1864 г. Юношей онъ уѣхалъ во Францію, и съ тѣхъ поръ живетъ то въ Парижѣ, то въ Туренѣ. Первая книга его стиховъ вышла въ 1885 г.

Главнымъ достоинствомъ поэзіи Гриффина является ея форма. Совершенно отказавшись отъ классическихъ метровъ, онъ въ области свободнаго стиха достигъ исключительнаго разнообразія и совершенства. За послѣдніе годы во Франціи наблюдается возвратъ къ «правильному» стиху, что объясняется всей трудностью манеры Гриффина или бельгійскаго поэта Верхарна. Научиться писать безукоризненные александрійскіе стихи, можетъ всякій, нелишенный чувства вкуса и мѣры, но безъ всякихъ законовъ слагать слова въ никѣмъ заранѣе неначерченные узоры — можетъ лишь истинный поэтъ. Къ сожалѣнію, ритмическія достоинства стиховъ Вьеле-Гриффина въ переводахъ моихъ почти незамѣтны.

Содержаніе поэзіи Гриффина тоже крайне индивидуально; бодрая, близкая природѣ и влюбленная въ жизнь душа чувствуется въ его стихахъ.

Книги Вьеле-Гриффина: Poêmes et Poèsies (1888—1893) «Mercure de France» — Clarté de la Vie 1897 «Mercure de France» — Phocas le Jardinier 1898 «Mercure de France» — Le Légende ailée de Wieland le Forgeron 1900 «Mercure de France» — Plus Loin 1906. «Mercure de France» — Poêmes et Poèsies 1907 — La Lumière de Grèce 1913. «Nouvelle Revue Française».

О Гриффинѣ см. статью Tancrede de Visan'a въ «Vers et Prose» за 1905 г.

На русскій языкъ стихи Вьеле-Гриффина переводили Брюсовъ, Гумилевъ и др. См. Французскіе лирики XIX в. и «Книгу Масокъ» Р.-де Гурмона.

★

Нѣжные вечера завяли, какъ цвѣты осенніе...
Что мы скажемъ ивѣ, лодкѣ, рощамъ юнымъ?
Душа моя полна тишины и забвенія.
Что мы скажемъ дюнамъ?

Вѣтеръ набѣгаетъ шаловливый.
Я чую на щекѣ его свѣжій поцѣлуй.
Ночь утѣшаетъ и шепчетъ, какъ мать, стыдливо:
«Милый, спи, не тоскуй!»
Что мы скажемъ ивамъ?

Вы были моимъ королемъ,
И давно ли?
Мы смѣялись, не зная о томъ,
Что играемъ старыя роли?

Знала ли я, знали ли вы объ этомъ?
Не зная печали,
Съ нашимъ нѣжнымъ и лживымъ смѣхомъ,
Что мы знали?

Вы навѣрно думали о старой поэмѣ,
А я о сказкѣ добраго счастья
— Ты любишь? Люблю. Я тоже...
О, Боже,
Неужели мы стали стариками,
И нынѣ въ нашей власти
Смѣяться надъ всѣми,
Даже надъ своими снами?

Что мы скажемъ дюнамъ
Ивѣ, лодкѣ и рощамъ юнымъ?
Тихо выходитъ луна, и мы знаемъ оба,
Что сейчасъ сердце умретъ, безъ жалобъ, безъ злобы...

*

Сказочный вечеръ былъ съ нами,
Лучшаго изъ твоихъ годовъ
Вечеръ нѣжныхъ благоуханій,
Встающихъ съ лиловыхъ луговъ.

Ты сказала — эхо моей души —
Подъ шелковъ печальный лепетъ,
Мѣрно звучавшій въ тиши:
«Отчего такъ грустна наша радость,
«Какой трауръ лежитъ на свѣтѣ
«И дѣлаетъ грустной каждую радость?»

И я тебѣ отвѣтилъ
Въ этотъ вечеръ ласковый и смутный:
«Ты слышишь запахъ лѣта, онъ тяжелъ и свѣтелъ
«И въ немъ, минута за минутой,
«Осыпается лучшій изъ твоихъ годовъ,
«Трауръ любви лежитъ на свѣтѣ,
«Трауръ пробившихъ вдали часовъ».

ОСЕНЬ.

Подлая, какъ дождь или холодъ,
Какъ вѣтеръ, жестокая и глухая,
Лживая, какъ небосводъ тяжелый,
Осень плачетъ, блуждая.
Я слышу ея посохъ въ окно стучитъ.
Гляди! Она здѣсь стоитъ.

Открой дверь! Пристыди ее!
Она за собой плащъ унылый тащитъ.
Ея ноги въ грязи и въ горечи!
Кидай камнями въ нее!
Не бойся, когда она плачетъ,
Не вѣрь ей — она притворщица.

Я знаю, она приходитъ съ нѣжнымъ взглядомъ,
Съ свѣжими улыбками, съ темнымъ виноградомъ.
Шепчетъ милыя слова
О тепломъ лѣтнемъ воздухѣ,
О вѣтрѣ, что листья колышетъ едва-едва,
И о желанномъ отдыхѣ.

Я ее знаю давно,
Она какъ то ужинала съ нами,
Пила молодое вино
И осталась въ хлѣву на ночь.
Она спала съ коровой и кобылой.

Ты ей, хитрой, не вѣрь —
На утро изморозь рощу покрыла,

Закрой дверь!

Пусть она идетъ дальше своимъ путемъ,
Пусть она клянчитъ подъ чужимъ окномъ,
Пусть ее пустятъ въ чужой домъ!

Съ волосами, въ которыхъ треплются листья завялые
Съ взглядомъ нѣжнымъ и пустымъ,
Съ голосомъ хитрымъ и жалобнымъ,
Пусть идетъ къ другимъ!

Ты растопи каминъ; придвинувшись къ нему,
Я буду ждать суровую и честную зиму.

★

На зарѣ солнце подъ лучами колкими,
Истекаетъ кровью въ сѣрую амфору облака.
Скажи мнѣ, сонъ его теплый и бражный —
Утолитъ-ли онъ нашу жажду?

На закатѣ солнце сыплетъ золото.
Скажи мнѣ, поздно вечеромъ
Соберемъ ли мы его руками тяжелыми,
Чтобъ украсить дѣву безпечную?

Весна изумруды разбросала сегодня,
Отыщу ли я камни будущимъ маемъ,
И всегда ли зима приходитъ,
Темная, злая?

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ.

1864

А. де Ренье родился въ помѣстьи Онфліоръ 29-го декабря 1864 г. Дѣтство провелъ въ деревнѣ, потомъ поступилъ въ Парижѣ, раньше въ коллежъ, потомъ на юридическій факультетъ университета.

Первая книга его стиховъ вышла въ 1885 г.

Несомнѣнно нынѣ Ренье — одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ и любимыхъ поэтовъ Франціи. Объясняется это большой тонкостью его души, мастерствомъ стиха и главное эклектизмомъ содержанія, который понятенъ и дорогъ современной Франціи. Строгіе образы античнаго міра, мистицизмъ средневѣковья, изощренность XVIII вѣка, наконецъ исканія и тревога современности умѣло сочетаются въ поэзіи Ренье. Такъ же мастерски онъ обращается съ формой, то вытачивая каменные сонеты, то съ граціозной прелестью напѣвая вполголоса маленькія «оды».

Анри де Ренье, — быть можетъ, самый совершенный изъ современныхъ прозаиковъ. Его романы «Les vacances d'un jeune homme sage», «La Double Maitresse» и др. принесли ему заслуженную славу.

Изъ книгъ Анри де Ренье отмѣтимъ здѣсь лишь стихи: Poêmes (1887—1892) — Le Jeux rustiques et divins 1897—Premiers Poêmes— Les Médailles d'Argile 1900 — La Cité des Eaux 1902 — La Sandale ailée (1903—1905). Кромѣ этихъ книгъ, свыше десяти романовъ и сборниковъ разсказовъ. (Изданы всѣ «Mercure de France»). О Ренье см. Camille Mauclair Henri de Régnier, Girard 1894. — J. de Gourmont Henri de Régnier et son Oeuvre «Mercure de France» 1908 — Paul Leautand Henri de Régnier, Sansot 1904 и др.

На русскій языкъ переведено нѣсколько романовъ Ренье (Первая страсть и др.) и сборниковъ его новеллъ. Стихи Ренье переводили М. Волошинъ, Брюсовъ и др. См. М. Волошинъ. „Лики Творчества". — Альманахъ и—во „Аполлонъ" — В. Брюсовъ. Французскіе лирики XIX вѣка.

ОСЕНЬ.

Люблю тебя, осень, твой пышный вѣнецъ.
И золото листьевъ, и ихъ багрянецъ —
Апрѣль развернулъ ихъ въ сіяющій день,
И августъ подъ ними искалъ себѣ тѣнь,
Въ осенніе полдни, ноябрь, это ты
То мѣдью, то золотомъ кроешь листы.
Идешь ты по комьямъ изрытой земли,
И шагъ твой стихаетъ то здѣсь, то вдали.
Средь скучныхъ тумановъ, тревогъ и заботъ
Въ тебѣ неостывшее лѣто живетъ.
Подъ дымкой осенней твоей тишины
Я чую уснувшее сердце весны.

ОДА.

Часы жизни поютъ и проходятъ,
Одинокіе или парами,
Часы радости или горя,
Юные или старые.
Ихъ руки сплетаются
Въ вереницу дней.
Иногда одинъ изъ нихъ, улыбаясь или рыдая,
Къ губамъ подноситъ
Цвѣтокъ экстаза или цвѣтокъ каприза,
Который вянетъ послѣ.
И всѣ они поютъ и проходятъ...

Это часы жизни.
Часы прошлаго думаютъ о чемъ то,
Всѣми брошенные,
На нихъ платья изъ тяжелаго шелка,
Они сидятъ въ тѣни,
Они держатъ тусклое зеркало
И глядятъ въ него подолгу
И не могутъ себя найти.
Иногда они говорятъ, и тогда ихъ слова
Шуршатъ глухо, какъ мертвая листва.
У нихъ ключи, которыми не открыть ни одной двери,
Ни одинъ изъ нихъ больше ни во что не вѣритъ.
Холодно имъ и страшно,

И самый старый дрожащей губой
Пьетъ изъ треснувшей чаши,
Тонкой и свѣтлой
Воду слезъ и пепла.

Часы любви прекрасны и молоды,
Вотъ они.
Поглядите!
Что имъ солнце надъ рѣкой или блескъ холода,
Звѣздное небо или дождь сердитый,
Розы прошлаго или шиповъ уколы,
Что имъ зеркало, ключъ отъ двери, или вечеръ въ тѣни,
Или платье изъ шелка тяжелаго?
Вотъ они!
Вотъ они дремлютъ, лежа,
Неподвижные, слѣпые, покорные,
Но Любовь стоитъ надъ ихъ ложемъ.
Иногда раздаются легкіе шорохи
Ея таинственныхъ крылій.
Обнаженная, она поетъ надъ ними,
И они слушаютъ,
Какъ Любовь говоритъ съ ихъ слѣпыми душами.

ЖЕЛТАЯ ЛУНА.

Унылый день закончился луною желтой,
Которая встаетъ межъ тонкихъ тополей.
И въ воздухѣ струится ароматъ тяжелый
Пруда, уснувшаго межъ мокрыхъ камышей.

Когда подъ солнцемъ раскаленнымъ, горько плача,
Мы въ топкой глинѣ замедляли слабый шагъ,
Когда мы оставляли на песку горячемъ
Своихъ израненныхъ ступней кровавый знакъ,

Когда огонь любви пылалъ, жестокъ и свѣтелъ,
И послѣ, въ блескѣ погасавшаго огня, —
Не знали мы, что сердцу будетъ сладокъ пепелъ,
Что на закатѣ нашего большого дня

Къ намъ донесется запахъ сладкій и тяжелый
Пруда, уснувшаго межъ мокрыхъ камышей,
Что долгій день окончится луною желтой,
Которая растетъ межъ тонкихъ тополей.

ГОЛОСЪ.

Я не хочу, чтобъ кто-нибудь приникъ къ моей печали.
Уйди, сегодня мнѣ не надо никого.
И ни шаговъ, которые бъ знакомо зазвучали,
Ни взгляда, дорогого взгляда твоего.

Оставь меня, и дверь мою плотнѣй прикрой сегодня,
И вѣтру свѣжему не открывай окна.
Сегодня какъ то все скучнѣй и безысходнѣй
Душѣ, которая уныла и темна.

Моя печаль ко мнѣ издалека проникнуть хочетъ,
Ея не знаю я. Но къ каждому изъ насъ,
Кто весело поетъ, кто плачетъ иль хохочетъ
Она приходитъ тихо, въ свой урочный часъ.

Тогда встаетъ въ душѣ такъ много жалобъ и сомнѣній
И что то плачетъ, а она издалека
Твердитъ, и голосъ тотъ унылъ, что жизни цвѣтъ весенній
Даетъ плоды, въ которыхъ пепелъ и тоска.

ФРАНСИСЪ ЖАММЪ

1868.

Ф. Жаммъ родился 2-го декабря 1868 г. въ деревушкѣ Турнэ въ Пиринеяхъ. Дѣдъ его, искатель приключеній, въ молодости покинулъ родину и уѣхалъ на антильскіе острова. Въ дѣтствѣ Жаммъ часто слышалъ разсказы домашнихъ о немъ, и съ любопытствомъ глядѣлъ на сундукъ изъ камфорнаго дерева и на яркія ткани, привезенныя дѣдомъ изъ путешествія. Эти воспоминанія вмѣстѣ съ картинами родной природы и первыми религіозными ощущеніями Жаммъ пронесъ черезъ все свое творчество. Уѣхавъ въ Бордо учиться, Жаммъ тамъ началъ писать стихи, кончивъ колледжъ вернулся обратно въ Пиринеи, въ маленькій городишко Ортезъ. Здѣсь въ 1888 г. онъ издалъ свой первый сборникъ стиховъ. Книга критиками была встрѣчена насмѣшками, поэта, въ необычно рѣзко реалистическихъ выраженіяхъ говорившаго о жизни деревни, обвиняли въ «невѣжествѣ» и «прозаичности». Только черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ «Одного Дня», критика должна была признать въ Жаммѣ поэта выдающагося и своеобразнаго.

Дѣйствительно врядъ ли кто за послѣднее время, умѣлъ такъ близко и непосредственно подойти къ природѣ, въ родимыхъ поляхъ и рѣкахъ найти не фонъ для своихъ «сложныхъ переживаній», а свое, особой жизнью сильное. Во второмъ сборникѣ Жамма, рядомъ съ грустными и прозрачно ясными элегіями, звучатъ впервые религіозные мотивы, «четырнадцать молитвъ», въ которыхъ Жаммъ черезъ крѣпко любимую землю, подобно пару весеннихъ полей, легко восходитъ къ небу. Третья книга Жамма «Le Triomphe de la Vie»; вызвала особенно много нападокъ со стороны «эстетовъ». Жаммъ рѣшился затронуть здѣсь положительно «запретныя» темы, поставивъ эпиграфомъ къ книгѣ

«И это жизнь!». Около 1905 г. въ душѣ поэта произошелъ рѣшительный поворотъ въ сторону религіи и церкви.

Собственно говоря, съ дѣтства религіозно настроенный, съ душой покойной и ребячески ясной, Жаммъ легко и прямо пришелъ къ церковной паперти. Его книга «Clairières dans le Ciel» захватываетъ восторгомъ человѣка, нашедшаго великую правду. Это восторгъ сердца, раненнаго плугомъ Господа, но ощущающаго уже сѣмена примиренія и любви. Въ послѣдней книгѣ «Христіанскихъ георгикахъ» Жаммъ покинулъ «свободный стихъ» и потерпѣлъ нѣкоторую неудачу, его александрійскія строфы непривычно холодны. Но уже въ стихотворномъ прологѣ пьесы «La Brebis Egarée», онъ встаетъ передъ нами съ прежней силой и простотой.

Жаммъ живетъ постоянно въ Ортезѣ и не выноситъ большихъ городовъ. Его жизнь просвѣтленная и цѣльная привлекала къ нему многихъ друзей, среди которыхъ были Самэнъ, Геренъ и Карьеръ.

Вліяніе Жамма на молодыхъ поэтовъ сильно и благотворно, оно помогаетъ имъ освободиться отъ литературныхъ условностей. Цѣлое поколѣніе (см. стихи Вильдрака, Кроса, А. Жана и др.), выросло на любви къ поэзіи Жамма.

Кромѣ стиховъ Жаммъ написалъ прелестную «Исторію Зайца», нѣсколько повѣстей о дѣвушкахъ, жившихъ въ усадьбахъ 30-хъ годовъ, пьесу «Заблудшая овца» и др.

Книги Жамма изданы Mercure de Françe: Стихи: «De l'Angelus de l'Aube à l'Angelus du Soir (1888—1891)—Le Deuil des Primevères (1898—1900)—Le Triomphe de la Vie (1900—1901) — Clairières dans le Ciel (1902—1906) — Les Gèorgiques Chrétiennes. 1912. Проза: Le Roman du Lievre — Pensée des Jardins — Ma fille Bernadette — Feuilles en Vent.

О Жаммѣ см. E. Pilon Francis Jammes et le sentiment de la Nature «Mercure de France» 1908 — A. de Bersancourt Francis Jammes poète chrétien.

По русски см. Стихи и Проза Франсиса Жамма, переводы И. Эренбурга и Е. Шмидтъ Москва 1913. (около 30 стих. «Исторія Зайца» и др). Р. де-Гурмонъ, Книга Масокъ; статья Крючкова въ «Очарованномъ Странникѣ» 1913 — Крючковъ готовитъ книгу переводовъ Жамма.

ПОЛЕЗНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Въ мартѣ (знакъ Овена) начинаютъ сѣять
Каротель, капусту и пахучій клеверъ.
Боронить кончаютъ и въ садахъ навозомъ
Удобряютъ землю, подстригаютъ лозы.
Для животныхъ зимній кормъ оконченъ, въ селахъ
Матери прилежно лижутъ пухлыхъ телокъ.
День на часъ и пятьдесятъ минутъ длиннѣе,
И когда по вечерамъ едва темнѣетъ,
Козьи пастухи, отставши на опушкѣ,
Надувая щеки, что-то трубятъ въ дудки,
И овчарка, стадо козъ оберегая,
Машетъ поднятымъ хвостомъ и громко лаетъ.

Въ мартѣ Вербное выходитъ Воскресенье.
Въ дѣтствѣ мнѣ давали въ этотъ день печенье.
Я къ вечернѣ шелъ послушный, молчаливый...
Передъ службой мать мнѣ говорила:
«У меня на родинѣ цвѣтутъ оливы...
Подъ оливами Христосъ тогда молился...
И за Нимъ пришла толпа. Въ Іерусалимѣ
Люди, плача, повторяли Божье имя,
И Его осленокъ семенилъ ногами
По дорогѣ, густо устланной вѣтвями.
Злые нищіе кричали отъ восторга,
Потому, что вѣровали въ Бога,
Женщины дурныя дѣлались другими,
Оттого лишь, что Онъ ѣхалъ передъ ними...
И Его за солнце люди принимали...
Онъ умершихъ воскрешалъ... Его распяли...

Тихо плачу я, сжимая зубы,
Вспоминая о вечерней службѣ,
Какъ держалъ кадильницу я въ сельскомъ храмѣ
Въ крестномъ ходѣ межъ хоругвями, крестами,
И какъ тихо слушалъ я кюре сѣдого,
Говорившаго намъ о страстяхъ Христовыхъ.

Будетъ хорошо тебѣ съ подругой въ мартѣ,
На лугу, гдѣ вы найдете темныя фіалки,
Вы въ тѣни увидите барвинокъ, раньше
Цвѣтъ его любилъ Руссо, и одуванчикъ...
Куреслѣпы, лютики, густыя кашки,
Золотыя или бѣлыя ромашки.
Анемонъ, жонкильи, снѣжные нарциссы
Васъ заставятъ думать о швейцарскихъ высяхъ!
Плющъ, полезный для страдавшихъ астмой...

Если у подруги тонкія колѣни,
Для твоей любви прекраснъ свѣтъ весенній.
Плечи нѣжныя покажутся свѣтлѣе,
Съ головы до ногъ ея простое тѣло
Будетъ какъ ручей, разлитый въ бедрахъ, бѣлый.

Отъ любви уставши, можно на охотѣ
Нѣсколько бекасовъ подстрѣлить въ болотѣ.

Другъ, отъ городской работы утомленный,
Я зову тебя въ пріютъ мой скромный.
Мы не будемъ спорить объ искусствѣ, жизни,
Но взглянувъ въ окно на черный садъ, на горы,
И на стадо козъ, идущихъ мимо,
Ты прочтешь хорошіе стихи, въ которыхъ
Мнѣ разскажешь о своей любимой.

МОЛИТВА, ЧТОБЪ ВОЙТИ ВЪ РАЙ СЪ ОСЛАМИ.

Когда Ты, Господи, прикажешь мнѣ итти,
Позволь мнѣ выбрать самому пути;
Я выйду вечеромъ, въ воскресный день,
Дорогой пыльной, мимо деревень,
И встрѣтившиословъ скажу: «Я Жаммъ,
И въ рай иду». И я скажу осламъ:
«Пойдемте вмѣстѣ, нѣжные друзья,
Что длинными ушами шевеля,
Отмахивались отъ ударовъ мухъ,
Назойливо кружившихся вокругъ».

Позволь къ Тебѣ притти средиословъ, —
Средь тѣхъ, что возятъ фуры паяцовъ,
Средь тѣхъ, что тащатъ на спинѣ тюки
Иль въ маленькихъ повозочкахъ горшки.
Среди ослицъ, что ноги ставятъ такъ,
Что трогаетъ васъ ихъ разбитый шагъ,
Что, пчелами ужалены, должны
На ножкахъ раненныхъ носить штаны.
Позволь притти мнѣ съ ними въ райскій садъ,
Гдѣ надъ ручьями яблони дрожатъ
И сдѣлай, Господи, чтобъ я въ него вошелъ,
Какъ много поработавшій оселъ,
Который бѣдность кроткую несетъ
Къ прозрачной чистотѣ небесныхъ водъ.

★

Молитвы, какъ цвѣты, восходятъ къ Богу;
Никто не знаетъ какъ... Однѣ богаты
И съ запахомъ тяжелымъ туберозы,
Другія блѣдныя, безъ аромата,
Какъ чахлый одуванчикъ у дороги.
Онѣ идутъ къ Небесному Владыкѣ,
И только Онъ одинъ судить умѣетъ,
Что бѣдность кроткая вербены дикой
Передъ Творцомъ, богаче иль бѣднѣе
Какой-нибудь изысканной гвоздики...

★

Передъ зимой на телеграфныхъ проводахъ
Замученныя ласточки сидятъ рядами.
Онѣ грустятъ объ африканскихъ небесахъ,
Которыхъ никогда предъ этимъ не видали...

«Которыхъ никогда предъ этимъ не видали»..
Какъ мы, когда тоскуемъ о далекомъ Раѣ.
Онѣ, застывшія, пронзенныя, висятъ;
Онѣ летали кругомъ, падая, взлетая,
И послѣ возвращались все-таки назадъ.

Проститься съ милой крышей церкви трудно это.
О, какъ имъ грустно бѣднымъ... Отчего орѣшникъ,
Ихъ обманувъ, осыпался, застылъ передъ зимой...
Какъ страшно имъ, что быстро пролетѣло лѣто...
Гнѣздо ихъ больше не узнало... Безутѣшны
Онѣ теперь дрожатъ на проволкѣ стальной...

Такъ и душа, страдавшая при жизни много,
Предъ тѣмъ какъ перейти навѣкъ въ Небесный Садъ,
Пускаясь въ океанъ воздушный, предъ дорогой
Колеблется и возвращается назадъ.

ПОЛЬ ФОРЪ.

1871

П. Форъ родился въ Реймсѣ 1 февраля 1871 г. Юношей положилъ начало «Théâtre des Arts», сыгравшему крупную роль въ дѣлѣ возрожденія французскаго театральнаго искусства. Первая книга Фора помѣчена 1894 г. Она была встрѣчена весьма сочувственно. Съ тѣхъ поръ популярность Фора, главнымъ образомъ среди молодежи Латинскаго квартала, росла. Ей онъ обязанъ своему, нѣсколько бутафорскому, избранію въ «принцы поэтовъ».

Изъ всего написаннаго Форомъ, а пишетъ онъ охотно и много, больше всего увлекаютъ «пѣсенки», въ которыхъ онъ сохраняетъ и форму и духъ старо-французской, особенно бретонской, пѣсни. Хороши также веселыя картинки жизни богемы, молодой и безпечной. Зато безусловно пусты, несерьезны и напыщены прославленные «гимны» Фора. Это риторика, стремленіе съ несоотвѣтствующей важностью разсказать о своемъ поверхностномъ міросозерцаніи.

Форъ пишетъ рифмованной прозой, изрѣдка прибѣгая къ классическому стиху.

Пятнадцать томовъ «балладъ» Поля Фора изданы первые «Mercure de France», послѣдніе Figuière. Этимъ же и-вомъ собраны избранныя баллады «Choix de Ballades» 1913.

О Форѣ см. книгу Louis Mandin. «Les Ballades de Paul Fort». «Vers et Prose». 1913.

На русскій языкъ Фора переводилъ Бальмонтъ, Брюсовъ. См. Бальмонтъ «Изъ чужеземныхъ поэтовъ». — Брюсовъ «Французскіе лирики XIX вѣка». — «Книга Масокъ».

МОЯ РАДОСТЬ ВЪ ТРАВУ УПАЛА...

Моя радость въ траву упала, добрые люди подойдите, принесите свѣтильникъ алый, ее найти помогите.

Моя милая уѣхала съ всадникомъ бѣлымъ, они скакали прочь отъ меня, я мѣтко направилъ стрѣлы и милая упала съ коня. Когда же стемнѣло, уѣхалъ куда-то всадникъ бѣлый...

Принесите свѣтильникъ алый, добрые люди подойдите — моя радость въ траву упала, ее найти помогите.

«Не въ нее бы мѣтить надо вѣрной стрѣлой, ты бъ нашелъ живой свою радость и она бы помирилась съ тобой.» — Увы! я въ него не посмѣлъ мѣтить вѣрной стрѣлой — онъ былъ слишкомъ высокъ и бѣлъ, съ своей золотой косой.

Моя радость въ траву упала, добрые люди подойдите, принесите свѣтильникъ алый, ее найти помогите

«Если бѣлый всадникъ исчезъ, поставь на могилѣ крестъ!

Ты можешь искать цѣлый вѣкъ, ты найдешь землю, и весной траву, и зимой снѣгъ и кресты, и кресты на могилахъ. Ты можешь искать цѣлый вѣкъ, но тебѣ не найти твоей милой!»

Принесите свѣтильникъ алый, добрые люди подойдите — моя радость въ траву упала, ее найти помогите.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Мои глаза, какъ два черныхъ брилліанта, ихъ блескъ волнуетъ и жжетъ. На мнѣ черная шляпа Рембрандта, черенъ мой рединготъ.

Лживая улыбка, взглядъ наивный и неувѣренный (о, природа ты и это позволила!) и я какъ будто жую дерево, когда говорю съ моимъ братомъ невольнымъ.

Передъ Сенъ-Жерменъ Доксерруа я гляжу на Лувръ въ часы заката, моя тѣнь дрожитъ тогда, межъ тѣней готическихъ статуй.

Я хотѣлъ бы быть королемъ, какимъ-нибудь Людовикомъ XIII, но поэтъ въ сердцѣ моемъ хочетъ всему улыбаться.

О Господь, Онъ далъ сердце мнѣ, у меня сердце какъ у всѣхъ — и Онъ Всесильный тѣшится, бросая пламя въ снѣгъ.

Я заставлю дрожать всѣ лиры, я вѣрую въ жизнь и въ любовь, въ моихъ думахъ сливаются золото и кровь съ бѣлыми розами и съ Шекспиромъ.

ШАРЛЬ ГЕРЕНЪ.

1873—1907.

Ш. Геренъ родился въ Люневиллѣ 29 декабря 1873 г. О его жизни извѣстно мало, такъ какъ Геренъ былъ очень необщителенъ и скрытенъ. Стихи его говорятъ намъ о нароставшей «тревогѣ по Господу», которая томила съ юности его душу. Вначалѣ онъ пытался привязать себя къ жизни поэзіей, постоянными путешествіями, но дойдя до тридцатилѣтняго возраста рѣшительно повернулъ въ сторону католицизма. Религія не дала его душѣ покоя, но лишь съ большой силой позволила ему, презрѣвъ и окружающую жизнь и самаго себя, жаждать иного міра и какъ избавленія отъ этого — смерти. Шарль Геренъ умеръ тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду — 17-го марта 1907 г.

Геренъ одинъ изъ немногихъ истинныхъ лириковъ конца 19-го вѣка. Болѣе утонченный и болѣзненный, чѣмъ Жаммъ, болѣе искренный и задушевный, чѣмъ Самэнъ, онъ далъ образецъ сплетанія истиннаго искусства съ исповѣдью живой души.

Книги Герена: Le Cœur Solitaire (1898) — Le Semeur de Cendres (1898-1900) — L'Homme intérieur (1901-1905). Всѣ изд. «Mercure de France». О Геренѣ см. A. de Bersancourt. Charles Guérin. 1911. — Воспоминанія о Геренѣ см. въ книгѣ Жамма Les Feuilles en Vent 1913

★

Печаль — вино, но терпкій вкусъ его томитъ и ранитъ.
Душа, которая была сильна,
Его извѣдавъ, слишкомъ хрупкой станетъ
И не захочетъ сладкаго вина.

Моя душа — она познала ядъ печали слишкомъ рано,
И нынѣ только отъ него,
Еще дрожатъ, какъ незалѣченныя раны,
Останки сердца моего.

★

Старуха та похожа на столбы дорогъ,
Согбенная средь бѣлой, теплой пыли.
Гроши прохожихъ пляшутъ у застывшихъ ногъ
И четки на морщинистыхъ рукахъ застыли.

Ея глаза подобны трепету лампадъ,
Надъ сѣрымъ камнемъ брошенной давно гробницы,
И губы мертвыя испуганно дрожатъ,
Какъ будто шорохъ мертвыхъ листьевъ въ нихъ таится.

Я иногда усталый, на закатѣ дня,
Свой шагъ предъ городомъ, немного замедляя,
На перекрестокъ прихожу, гдѣ ждетъ меня
Подъ тоненькимъ крестомъ — она, слѣпая.

Я думаю — вотъ зеркало моей души —
И ей, старухѣ, тихо говорю «послушай
Прими ты и мои несчастные гроши,
И помяни, молясь, мою слѣпую душу!»

СЕНЪ-ЖОРЖЪ де БУЭЛЬЕ.

1876.

С.-Ж. де Буэлье родился въ Рюэ 19-го мая 1876 г. Его первая книга помѣчена 1894.

Въ 1902 г. Буэлье основалъ школу «натюризма», призывая поэтовъ къ большему сліянію съ природой, къ большей правдивости и жизненности поэзіи. Къ сожалѣнію, въ своей поэзіи Буэлье не всегда проводилъ эти достойныя идеи. Его стихи часто портитъ излишняя риторичность и манерность.

Буалье очень популяренъ во Франціи какъ драматургъ.

Книги Буэлье: L'Annonciation (1894) — Les Chants de la Vie Ardente (1902) и рядъ романовъ и театральныхъ пьесъ.

БРОДЯГА-ГОРЕ.

На дорогѣ, опоясанной рядами скалъ,
Я Бродягу-Горе увидалъ.
Онъ, унылый, захотѣлъ войти въ мой тихій домъ,
Знаки дѣлалъ мнѣ сухимъ листомъ.
Но, покоенъ, я смѣялся въ горницѣ моей
Надъ игрой его сухихъ костей.
А тогда онъ крикнулъ мнѣ, и голосомъ такимъ,
Что я палъ покорно передъ нимъ.
Онъ вошелъ ко мнѣ, и робко подойдя къ нему,
Взялъ я посохъ и его суму.
Я хотѣлъ бѣжать тогда, но приподнять не могъ
Злую тяжесть ослабѣвшихъ ногъ.
Я почуялъ, что теперь нельзя уйти назадъ,
Что органы дальніе гремятъ.
Онъ мнѣ руку подалъ, и я самъ себѣ сказалъ
—Твой послѣдній, смертный часъ насталъ.
Колоколъ рыдалъ вдали, и сѣрый херувимъ
Пролеталъ надъ верескомъ сухимъ.
Но унылъ и блѣденъ, точно призрачная ночь,
Страшный гость ушелъ куда то прочь.
И остался я одинъ, а вдалекѣ, играя и горя,
Жемчугами капала заря.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.

Солнце умираетъ, точно огненный циклонъ,
Точно желтыхъ трубъ широкій и протяжный стонъ.
Поѣздъ, съ грустнымъ свистомъ, пробѣжалъ куда-то мимо
И обвѣялъ наши души легкой тѣнью дыма,
За собой влача благоуханье жаркихъ странъ.
Солнце медленно уходитъ и встаетъ туманъ.
Въ кабакѣ хрипитъ шарманка — этотъ голосъ кроткій,
Голосъ вѣчной нищеты, нужды, и горькой водки.
Люди тянутся домой, болтаютъ у дверей,
Раздается чей то смѣхъ, но неизвѣстно чей.
И за миромъ красныхъ стеколъ, тихо и устало,
Тѣни, неувѣренно скользя, проносятъ въ залы
Лампочки, похожія на алый цвѣтъ гвоздикъ.
Все сливается и тонетъ въ этотъ бѣглый мигъ.
Странное сліянье смерти и заботъ о жизни...
Очертанья дальнія дрожатъ еще капризнѣй.
Вдалекѣ маячитъ на пригоркѣ часовой.
И я думаю одинъ о радости былой...
Я гляжу сквозь сводъ листвы, засохшей и унылой,
На послѣдній слабый отблескъ пышнаго свѣтила,
Если бъ какъ оно уйти легко и просто прочь
И не знать тоски, что дико гонитъ въ мглу и въ ночь.

АНДРЕ СПИРЪ.

1875.

Среди французскихъ поэтовъ А. Спиръ занимаетъ совершенно особенное мѣсто. Еврей по происхожденію и по душѣ, вѣчно неудовлетворенный, блуждающій и мятежный, онъ кажется какимъ то иностранцемъ, варваромъ, случайно вошедшимъ въ свѣтскій салонъ. Грубый и мѣткій стихъ Спира, не связанный никакими рамками, породилъ (за послѣдніе годы этому содѣйствовало возростающее вліяніе Уитмана) новое поэтическое теченіе, но, конечно, чисто національно, еврейскій духъ его поэзіи остался исключительнымъ явленіемъ. Особенно интересна и характерна книга Спира «Еврейскіе Стихи».

Книги Спира: La Cité Présente (1892—1902) — Versets (1908) — Les trois Juifs (1913), проза.

★

Что дѣлать въ этомъ мірѣ?
Я иду все глухо и тревожно,
Я кричу, но уши внимающихъ мнѣ
Еще трусливѣй, еще грубѣй, еще презрѣннѣе,
Чѣмъ руки нищихъ, отъ которыхъ я убѣгаю.

О Музей, о тихое чудовище,
Открой твое молчаніе, твой сумракъ
Моимъ безнадежнымъ шагамъ.
И вы, картины, статуи, геммы,
Дайте миръ моей душѣ,
Вы счастливые,
Никому непричиняющіе зла.

«Дитя, дитя», они отвѣчаютъ —
«Смотри лучше, подойди ближе.
Вотъ наша правда:
Полотно, доски, винты,
Масло и пыль,
Старое желѣзо и камни
Неподвижные, сѣрые, мертвые»...

НЕПОСТОЯНСТВО.

Земля легкая, рыхлая и свѣжая,
Я видѣлъ тебя,
Когда ѣхалъ изъ моей страны соли и желѣза,
Гдѣ рѣка отравлена селитрой,
Сжата камнями, нагрѣта кузницами,
Ползетъ низкая, грязная и жалкая
Межъ сѣрыхъ пыльныхъ ивъ.

Я видѣлъ твои тополя и вязы,
Я плылъ по твоей рѣкѣ,
На ея берегахъ я варилъ свой супъ бродяги,
Я спалъ на лѣсистыхъ островахъ.
Теперь я думаю только о тебѣ, Земля,
И ты меня тянешь къ себѣ.

Довольно блужданій! Я остаюсь здѣсь,
Я хочу понять твои помѣстья,
Очертанья лѣсовъ
И скрытую гордость твоихъ темныхъ водъ;
Я не хочу больше, какъ прохожій,
Облокотившись, любоваться минуту и дальше идти.
Я хочу быть твоимъ хозяиномъ и говорить о деревьяхъ
О плодахъ и о корняхъ, о сѣменахъ и о травахъ,
И даже о тонкой паутинѣ,

Что блеститъ подъ тяжестью утра —
«Это мое!»

Но тысячи голосовъ раздаются въ отвѣтъ:
«Погляди на эти пугливые дома, столпившіеся какъ стадо
На согбенныя плечи этихъ покорныхъ людей.
Можешь ли ты мнѣ служить, какъ они?
Хочешь ли ты думать о томъ, какъ проводить межи,
Ставить изгороди и убивать дороги?
Хочешь ли ты, чтобъ раздѣлить свои мелкія заботы,
Взять жадную жену, которая будетъ жить надеждой
Раздвинуть шире крышу твоего дома?
Хочешь ли ты сыновей, мечтающихъ объ урожаѣ сосѣда,
Слугъ, которыхъ ты презираешь, и которые тебя ненавидятъ,
Гостей, приживалокъ и родныхъ?

Я люблю прикрѣплять людей,
Но мнѣ страшно упрековъ твоей бродячей души.
Иди! Блуждай, греби и пой!
Погляди другія поля, другіе сады и другія страны,
Уходи скорѣе отъ той, что полюбишь,
И блуждай, и блуждай... пока,
Однимъ вечеромъ ты не умрешь въ гостинницѣ,
Не оплаканный, даже для виду,
Ни хозяйкой, ни доброй служанкой!»

ФРАНЦІИ.

О прелестная страна,
Поглотившая столько народовъ
Неужели ты хочешь поглотить меня?
Твой языкъ, онъ мѣняетъ мою душу;
Ты дѣлаешь мои мысли ясными.
Ты слагаешь уста въ улыбку.
И твои выхоленныя поля,
И оберегаемые лѣса,
Лѣса, въ которыхъ больше никому не страшно,
И нѣжность твоихъ очертаній,
И плавныя рѣки, и дома, и виноградники...
Я уже почти твой!...

Полюблю ли я скоро твои словесные бои,
Бездѣлушки и ленты,
Кафе и маленькіе театры,
Изысканные салоны?
Стану ли я размѣреннымъ,
Какъ твои огороды?
Томнымъ и разслабленнымъ
Какъ стриженные дубы твоихъ изгородей?
Приникну ли я къ землѣ,
Какъ твои послушныя яблони?
Начну ли я слагать рифмованные стишки
Для милыхъ дамъ, покрытыхъ кружевами?

Вѣжливость, ты и меня хочешь сдѣлать прѣснымъ!
Шутка, ты хочешь и мою душу сдѣлать удобной!
О скорбь, о гнѣвъ, о безумье,
Чѣмъ я буду безъ васъ?
Придите, спасите меня
Отъ разсудка этой счастливой страны!

Ф.-Т. МАРИНЕТТИ.

1879.

Итальянецъ по происхожденію, Маринетти родился въ Александріи. Въ 1909 г. въ парижской газетѣ «Figaro» появился манифестъ «футуризма». Маринетти выступалъ въ немъ противъ традицій стараго искусства, противъ переполненія поэзіи меланхоліей, воспѣваніемъ женщинъ, etc., вмѣсто этого онъ призывалъ къ современности, къ гимнамъ индустріи, европейскимъ столицамъ, авіаціи и войнѣ. Въ манифестѣ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній объ устарѣлыхъ пріемахъ поэзіи перемѣшаны съ грудой мальчишескихъ и невѣжественныхъ фразъ.

Трудно любить стихи Маринетти. Отъ него отталкиваютъ внутренняя пустота, особенно дурной вкусъ и наклонность къ декламаціи. Но, преодолѣвая извѣстное отвращеніе, находишь въ его стихахъ и тонкую иронію и подчасъ острую боль.

Книги Маринетти; «La conquête des étoiles», «Destruction», «Le roi Bombance», «La ville charnelle», «Les Dieux s'en vont, d'Annunzio reste», «Les poupées électriques», «Mafarka le futuriste», «Le futurisme», «La Bataille de Tripoli» (1912)

МОЕ СЕРДЦЕ ИЗЪ КРАСНАГО САХАРА.

(отрывокъ)

Вчера вечеромъ я васъ долго ласкалъ,
(Во снѣ только!)
Ваши шаловливыя ножки,
Ножки умныя, хитрыя и похожія
На двухъ голодныхъ мышей;
Я видѣлъ, ихъ выбѣжавшихъ неосторожно
Изъ темной лавочки въ Пера,
Это было зимой, и мои турецкія мыши
Запачкали въ снѣгу свои мордочки,
Какъ ваши ножки, милыя ножки,
Покрытыя чернымъ шелкомъ и жемчугомъ.
О скажите мнѣ, Нелла, ваши хитрыя ножки
Найдутъ ли къ моему сердцу вѣрную дорожку?

. . . . . .

Я турецкій лавочникъ,
Выбирайте!
Вотъ свѣжіе жасмины, вотъ игрушки, конфекты
(Скажите, Нелла, вы вѣдь любите сладкое?)
Вотъ вино, которое богаче моей крови,
Одинъ глотокъ его пьянитъ душу.
Подойдите, Нелла, я держу мое сердце,
Мое сердце изъ краснаго сахара.

Оно прозрачное, и вы можете сквозь него любоваться
Солнцемъ, задремавшимъ надъ водами Босфора,
И вы можете его иногда сосать.
Возьмите, недорого — вѣдь оно ничего не стоитъ,
Когда вы его скушаете, я вамъ принесу другое,
Тихо приподыму шелковыя занавѣски
Вашихъ ночныхъ волосъ,
Разсыпанныхъ на турецкомъ диванѣ,
Гдѣ я любилъ дремать, какъ паша.

. . . . . .

Нелла, я боюсь вашей улыбки знойной и обнаженной,
Если бъ я былъ вашимъ любовникомъ на Востокѣ,
Я бы прикрылъ ее большими волнами шелка,
Чтобъ вы не смущали правовѣрныхъ,
Скользя вечеромъ,
Съ беззаботной лаской во взорѣ,
Подобная закатному облаку,
Надъ забытыми водами Босфора.

. . . . . .

ГІЙОМЪ АПОЛЛИНЕРЪ.

1880

Стихи Аполлинера крайне своеобразны, болѣзненно утонченны. Написанные въ то время, «когда короли умирали одинъ за другимъ», это, воистину, стихи «декаденса». Пресыщенный всѣмъ, поэтъ напрасно старается развлечь себя грудой самыхъ неожиданныхъ и яркихъ образовъ, съ безвѣрьемъ и пустотой онъ глядитъ на все окружающее, на жизнь, на людей, и даже на Христа, на этого «авіатора, побившаго міровой рекордъ по высотѣ». Намъ дороги эти, быть можетъ, пустые (какъ и души наши) стихи, эти судорожные зѣвки усталой души.

Книги Аполлинера L'Hérésarque et Cie 1910. Stock éd. — Le Bestiaire ou cortège d'Orphée Paris 1911. — Alcools. «Mercure de France» 1913 (стихи).

Нѣсколько разсказовъ Аполлинера были переведены на русскій языкъ П. Кожевниковымъ.

ОТРЫВОКЪ

Много погибло прекрасныхъ грезъ
Это надъ ними плачутъ ивы
Сладкій Панъ любовь и Христосъ
Умерли Кошки мяучатъ тоскливо
И я не въ силахъ сдержать своихъ слезъ

Я знающій лэ для шателенъ
И рабовъ страшные гимны
Для огромныхъ муренъ
И злыя хвалы для любимой
И романсы для грустныхъ сиренъ

Я вѣренъ какъ хозяину собака
Какъ побѣги плюща стволамъ
Какъ вѣрны запорожскіе козаки
Набожные въ грабежѣ и въ дракѣ
Вѣрѣ родной и степямъ

Султанъ имъ писалъ «придите
«Склонитесь скорѣй предо мной
«О козаки я вашъ повелитель
«И мой полумѣсяцъ златой
«Вы какъ иго на шеѣ влачите

«Станьте моими вѣрными слугами
«Покоритесь приказу моему»
Они встрѣтили смѣхомъ посланье
И отвѣтили тотчасъ ему
При огарка тускломъ мерцаньи

КРОКУСЫ

Долина осенью красива но страшна и ядовита
И медленно бредя по ней коровы
Вбираютъ темный и тягучій ядъ
Долины отъ цвѣтущихъ крокусовъ лиловой
Какъ этотъ маленькій цвѣтокъ лиловъ твой взглядъ
И въ жизнь мою изъ глазъ твоихъ струится
Такой же медленный и страшный ядъ

Шумя проходятъ школьники
Въ передникахъ играя на гармоникѣ
Срываютъ крокусы играющія дѣти
Срываютъ крокусы похожіе по цвѣту на твои большія вѣки

Которыя дрожатъ подъ вѣтромъ злымъ
Пастухъ поетъ тихонько и покинутыя имъ
Ступая медленно бросаютъ навсегда коровы
Долину зло расцвѣченную осенью лиловой

ОТРЫВОКЪ

Я смѣло взглянулъ назадъ
На трупы моихъ дней
Они обозначали пройденную мной дорогу
Одни изъ нихъ сгнили средь флорентійскихъ церквей
Или въ лимонныхъ рощахъ
Которыя во всякое время года
Цвѣтутъ и даютъ плоды
Другіе дни плакали въ тавернахъ умирая
Гдѣ дрожали яркими лепестками
Большіе зрачки мулатки
И электрическія розы еще раскрываются
Въ садахъ моихъ воспоминаній

Ш. КРОСЪ.

1880

Стихи Кроса часто напоминаютъ Жамма, но отравленные легкимъ сомнѣніемъ и тревогой современности, они остаются самостоятельными и притягиваютъ къ себѣ. Пустоту длиннаго и безцѣльнаго дня парижской зимы онъ умѣетъ передать искренно и просто.

Книги: Le Soir et le Silence — poèmes 1908 ed. Sansot. Les Fêtes quotidiennes — poèmes. 1912 éd. «Mercure de France»

ВЪ ЛЮКСЕМБУРГСКОМЪ САДУ.

Я вспоминаю дѣвочку, маленькую и хрупкую, —
Это было въ Люксембургѣ, въ тихое утро мая,
Я сидѣлъ одинъ и курилъ свою трубку,
Маленькая дѣвочка глядѣла на меня, играя.

Съ большого каштана розовый снѣгъ слеталъ.
Маленькая дѣвочка играла послушно,
Ей хотѣлось, чтобы я что-нибудь сказалъ,
Она видѣла, что мнѣ грустно, но не знала причины,
И не знала, что ей сказать чужому господину.

Маленькая дѣвочка, вы одна угадали
Тяжесть мою и мои печали,
Но нѣтъ, вы ихъ понять не могли,
Идите дальше играть, за вами сестры пришли.

Никто не утѣшитъ и никто не поможетъ!...
Маленькая дѣвочка, вы это скоро поймете,
Когда въ одно утро, такое близкое, вы тоже
Грустить въ этотъ садъ придете.

УТРО.

Мелкій, мелкій дождикъ падаетъ,
И стучитъ онъ нѣжно, каплями слабыми...
Говорили объ октябрьскомъ утрѣ отъѣзда,
Когда городъ насъ снова зоветъ для занятій.
О холодномъ утрѣ дѣтства,
Когда бодро встаешь съ кровати.
Но это утро, когда дождь будитъ, стучится
И больше спать не даетъ,
Когда прошлое читаешь страница за страницей,
Вотъ оно прошлое, вотъ!...
Въ уголкѣ маленькія воспоминанья,
Которыя днемъ и ночью молчатъ.
И только утромъ, въ желтомъ туманѣ,
Молчать не хотятъ.
И просыпаясь, чувствуешь во рту горечь,
Не то отъ вина вчерашняго,
Не то отъ прошлаго, темнаго и страшнаго.

. . . . . .

Острый, острый дождикъ падаетъ
И стучитъ онъ тихо каплями слабыми...
Я жду, пока пробьетъ двѣнадцать
И надо будетъ встать съ постели,
И одѣваться,
Чтобъ начать этотъ день тяжелый,
Пустой и безцѣльный.

АНДРЭ САЛЬМОНЪ

1884.

Стихи Сальмона увлекаютъ исключительно богатой фантастичностью, неожиданностью и причудливостью образовъ. Выступившая недавно группа молодыхъ поэтовъ, «фантазистовъ» (Деремъ Карко и др.) считаетъ своимъ предтечей А. Сальмона.

Книги Сальмона: Poèmes 1905 «Vers et Prose» — Les Féeries 1907 «Vers et Prose» — Le Calemet 1910, Falque—La Jeune peinture française 1912. Messein..

СОНАТА.

Въ моей душѣ семь замковъ,
Вѣтеръ свищетъ изъ всѣхъ угловъ.
Нѣтъ у меня прекрасной дамы—
Выгнать изъ замка совъ.

Въ моей душѣ семь мельницъ,
Не вертятся крылья давно,
Нѣтъ у меня осла и телѣги —
Привезти былое зерно.

Въ моей душѣ семь башенъ
Для плѣнныхъ враговъ моихъ,
Нѣтъ у меня палачей страшныхъ —
Мучить утонченно ихъ.

Въ моей душѣ семь часовень,
Одинъ капелланъ поетъ,
Нѣтъ у меня огня золотого—
Прожечь каменный сводъ.

ПОЭТЪ ПРОГУЛИВАЕТСЯ.

Корректный и немного жалкій, онъ въ толпѣ блуждаетъ
одиноко,
О Боже мой, какъ на другихъ людей похожъ поэтъ,
Какъ всѣ одѣтъ,
И котелокъ приказчика на головѣ пророка.
Онъ дымомъ трубки небесамъ кадитъ,
Какъ въ храмѣ нѣкогда левитъ.
И на него, по службѣ, женщины кокетливо глядятъ,
Онъ отвѣчаетъ имъ послушно
И, выполняя сотни мелкихъ дѣлъ легко и равнодушно,
Приходитъ къ Notre-Dame, глядитъ на каменный фасадъ,
Захлопнувшись за нимъ, зѣваетъ дверь,
И лишь теперь
Онъ съ грустью вспоминаетъ теплую кровать,
Гдѣ, одѣяло натянувъ до подбородка,
Онъ могъ бы долго спать,
Пока часы, какъ рой цикадъ,
Срѣзаютъ металлическія розы, правильно и четко,
И срѣзанныя розы къ потолку летятъ...
Безъ удивленья смотритъ онъ на пылкіе витражи —
Онъ знаетъ, что въ его глазахъ горятъ порой такіе же
миражи.
Любовь къ далекимъ небесамъ! Иное царство!
Большая чаша сладкаго эфира,
Которую онъ долженъ выпить залпомъ, какъ лекарство.
Исхода нѣтъ и нѣтъ душѣ унылой мира!
Самоубійство, но оставимъ это доброму эстету...
И послѣ пустоты безцѣльныхъ дней,
Какъ онъ тяжелъ, Господень храмъ, поэту,
Поэту, невзлюбившему земли, прикованному къ ней.

АРТУРЪ РЕМБО.

A Jacques de Boisjolin.

Рембо, бродяга и поэтъ, былъ страненъ твой удѣлъ,
Ты на безцѣльныхъ празднествахъ, какой то гость усталый,
Вкусить плодовъ, тебя прельстившихъ, захотѣлъ,
Плодовъ, которыхъ не твоя рука срывала.
Въ уныломъ кабакѣ, при блѣдномъ свѣтѣ газа,
Надъ дѣтскими тетрадками склонившись, сразу
Ты, маленькій кудесникъ, на листкѣ, средь злыхъ карикатуръ,
Царапалъ страшные сонеты и подписывалъ «Артуръ».

Ты былъ проклятымъ отрокомъ изъ Шарлевиля,
И матери тебя на улицахъ «антихристомъ» клеймили,
Не вѣдая какой огонь горѣлъ въ глуби жестокихъ вѣждъ,
Не заставляя сыновей лобзать края твоихъ одеждъ.
Ты былъ далекимъ братомъ тѣхъ баварскихъ королей,
Что вечеромъ, когда студенты пили возлѣ бочекъ пиво,
Давали поглотить себя водѣ прозрачной и пугливой,
Познавши душу лилій и печальныхъ лебедей.

То утро яснымъ было. Подъ сосной огромной,
Тебя почти касавшейся иглой зеленыхъ рукъ,
Бродяга, какъ всегда усталый и бездомный,
Пресыщенный дорогой вѣчной и тоской вокзала,
Искавшій цѣли жизни, ты ее почуялъ вдругъ.

И подъ сосной огромной, начиная жизнь сначала,
Ты жегъ свои стихи, и пламя книгу весело лизало.

Какой то императоръ въ каскѣ съ перьями тебя дарилъ любовью —
Ты продавалъ въ Европу кофе, перецъ, кость слоновью;
Когда же кто нибудь, оттуда пріѣзжая, спрашивалъ тебя:
— Вы много-ль пишете стиховъ? ты, усмѣхаясь про себя,
Сводилъ свои счета и только хмурилъ бровью.
Потомъ вернулся ты, чтобъ умереть въ Марселѣ,
Запрятавъ золото за поясъ, и больной ногой
Влача по знойной и жестокой мостовой.
Но тяжесть золота и раны одолѣли...
Тебя назвали вѣрнымъ сыномъ церкви, о бродяга неустанный,
За то, что ты шепталъ имъ, умирая, о Землѣ Обѣтованной

АЛЕКСАНДРЪ МЕРСЕРО.

1884.

А. Мерсеро выпустилъ только одинъ сборникъ стиховъ, (подъ псевдонимомъ Eshmer Valdor.) Находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ поэтовъ-символистовъ Мерсеро даетъ въ этой книгѣ несомнѣнное своеобразіе и легкость стихотворныхъ ритмовъ. За послѣдніе годы Мерсеро зарекомендовалъ себя любопытнымъ беллетристомъ.

Книги Мерсеро: Les Thuribulums affaisses 1904. La Vie — Gens de la et d'ailleurs 1913, Figuière — Les Contes des Ténèbres 1910. Figiuère — La Litterature et les Idées Nouvelles 1912, Figuière. — Les Paroles devant la Vie 1913. Figuiere.

Нѣсколько разсказовъ Мерсеро были переведены на русскій языкъ Тастевеномъ и др.

РАСПЯЛИ СОЛНЦЕ.

Часы, какъ капли, падаютъ подрядъ
Въ тишинѣ соборовъ забытыхъ;
Дѣвушки съ кадильницами тихо грустятъ
На сѣрыхъ плитахъ,
И часы мрачно
Плачутъ.

Дѣвушки съ кадильницами молятся устало,
Молятся, перебирая четки,
Онѣ расходятся безъ жалобъ
И кротко.
Разспяли солнце
Стеклами темными, какъ монахъ мрачный,
Какъ часы черные,
Которые плачутъ.
Солнце разорвано
Тѣнями святыхъ
Длинныхъ, худыхъ.

Солнце распяли,
И его золото сочится на плиты,
Органъ не зазвучитъ молитвами веселыми,
У него нѣтъ прежняго голоса,
Онъ рыдаетъ псаломъ забытый,
Протяжный, какъ часы, которые плачутъ,
И какъ монахъ мрачный.

Дѣвушки думаютъ:
Богу, навѣрное, очень грустно,
Оттого то ему нуженъ этотъ темный храмъ,
Эти стекла угрюмыя,
Это мрачное пѣнье,
Чтобы выразить къ земнымъ дѣламъ
Свое презрѣнье.

Часы, какъ капли, падаютъ подрядъ,
Въ тишинѣ соборовъ забытыхъ,
И дѣвушки съ кадильницами грустятъ,
Плачутъ, полныя печали,
На сѣрыхъ плитахъ.

Солнце распяли!..

НИКОЛЯ БОДУАНЬ.

1883

Въ первыхъ книгахъ вѣрный традиціямъ романтизма, Бодуань далъ рядъ любопытныхъ стихотвореній въ духѣ Гюго. Послѣднее время онъ захотѣлъ стать поэтомъ современности, основавъ школу «пароксистовъ»; пока эти исканія не дали чего либо опредѣленнаго.

Книги Бодуань: Le Chemin qui monte 1908, Sansot—Les Triomphée 1909 — La Divine Folie 1910 — Les Deux Règnes 1911 — Les Cités du Verbe 1911 — Les Princesses de mon Songe 1912 — Les Sœurs du Silence 1912 — Les Compagnes en Marche 1913, Basset — La Cité dee Hommes 1914, Figuière.

★

Простыя вещи кругомъ меня
Перваго теплаго дня.
Въ стаканѣ стеблями перепутаны
Лѣсныя фіалки и лютики
И дремлютъ на пузатомъ коммодѣ,
Рядомъ съ деревяннымъ Христомъ,
Который сегодня
Еще печальнѣй глядитъ кругомъ.

Двѣнадцать бьетъ, и кружатъ голуби бѣлые.
Меня зовутъ къ обѣду, столъ накрытъ.
Блистаетъ онъ тарелками.
Блюдо дымитъ.

Собака дергаетъ цѣпочку,
Напоминая, что она здѣсь
И что она хочетъ ѣсть.
Я наливаю супу въ миску.
Служанка входитъ съ улицы и несетъ за собой
Запахъ весны, прянный, густой.

Тихо кругомъ.
И солнце сквозь тонкія вѣтки каштана
Скользитъ по окну и потомъ
Христа раскрытыя раны
Цѣлуетъ тонкимъ лучемъ.

ШАРЛЬ ВИЛЬДРАКЪ.

1885.

Изъ молодыхъ поэтовъ мнѣ кажется самымъ талантливымъ, глубокимъ и простымъ Шарль Вильдракъ. Не примыкая фактически ни къ одной изъ безчисленныхъ школъ, онъ, единственный изъ поколѣнія 900-хъ годовъ, далъ образчикъ подлинной поэзіи. Выбирая самыя повседневныя темы, онъ умѣетъ ихъ дѣлать новыми, необычайно трогательными какой то особенной человѣчностью подхода. Какъ лавочникъ, ломовикъ и помѣщикъ плакали, слушая пѣсню женщины — мы плачемъ надъ стихами Вильдрака. Онъ находитъ не то, что отдаляетъ поэта отъ человѣка, а то что сближаетъ ихъ, и въ этомъ тайна его очарованія. Форма стиховъ Вильдрака проста: свободный стихъ съ рѣдко разбросанными ассонансами.

Книги Вильдрака: Poèmes 1905. — Images et Mirages 1908. — Notes sur la Technique poétique. — Livre d'Amour 1910. Figuière.

СОБУТЫЛЬНИКИ.

Они сѣли за одинъ столикъ, чтобы выпить,
Они облокотились на него локтями,
Они ласково глядятъ другъ на друга
И пьютъ вмѣстѣ,
Пьютъ и разсказываютъ другъ другу
Милыя забавныя вещи.

Они въ эту минуту довольны всѣмъ,
Имъ кажется, что они другъ друга любятъ,
А между тѣмъ...

А между тѣмъ
Они завтра встрѣтятся у одной двери
И будутъ стоять оба,
Не желая уступить,
Будутъ глядѣть злобно
Съ морщиной страшной на лбу.

Какъ собаки, которыя хрипло лаютъ и дерутся,
Изъ за какой-нибудь кости,
Они сойдутся завтра или сегодня вечеромъ,
Забывши о прошлой встрѣчѣ.

Да, это вѣрно и это всѣмъ знакомо,
Но не надо такъ говорить.
Надо сказать по иному:

Эти два человѣка улыбаются,
Но они могутъ поссориться безъ повода,
Они могутъ найти тысячи поводовъ,
Которые позволятъ имъ поссориться.
И этихъ поводовъ много, они ждутъ
Какой изъ нихъ выберутъ, какой возьмутъ.

Но нѣтъ,
Въ глубинѣ ихъ дряхлыхъ сердецъ
Скрыта тайная жажда близости,
И когда жизнь — Мегера,
На минуту уходитъ изъ ихъ дряхлыхъ сердецъ,
Они глядятъ другъ на друга съ дѣтской вѣрой,
За однимъ столикомъ пьютъ вмѣстѣ
И разсказываютъ другъ другу
Милыя забавныя вещи.

ПОСЛѢ ПОЛНОЧИ.

Смерть ихъ въ кроватяхъ находитъ;
Они умираютъ передъ разсвѣтомъ,
Когда полночь проходитъ,
И никто не думаетъ объ этомъ.

Женщины и мужчины,
Вы умрете на разсвѣтѣ,
Я вижу безпокойныя толпы вашихъ рукъ безсильныхъ,
Изъ которыхъ кровь уходитъ на-вѣки.

Бѣлые, измученные, вы боритесь долго,
Въ этотъ смутный часъ...
Заря васъ заставить замолкнуть,
Глядите, я слушаю васъ.

Сколько васъ умираетъ сегодня?
Какъ люди могутъ спать спокойно
Средь вашихъ стоновъ?
Вотъ стукъ раздался въ домѣ.
Я не одинъ васъ слушаю.
Кто то прошелъ по сосѣдней комнатѣ,
Кто то всталъ, чтобъ слѣдить за вашими бѣдными душами

Но нѣтъ! Доносится сквозь стѣну
Маленькая пѣсенка... Если кто нибудь по комнатѣ ходитъ,
Это чтобъ укачать младенца,
Который родился сегодня.

ОДНА ПѢСНЯ.

Ломовикъ домой ѣдетъ,
Подъ тяжелый стукъ своей телѣги.

Въ ста верстахъ отъ него помѣщикъ богатый
Бродитъ одиноко по парку.

И я знаю въ городѣ лавочника,
Который дремлетъ въ своей грустной лавочкѣ.

Сейчасъ пользуясь тѣмъ, что они одни,
Что стемнѣло, что еще не зажглись огни,
Они плачутъ, и каждый изъ нихъ думаетъ
О своемъ ребенкѣ, который недавно умеръ.

На освѣщенной ярко улицѣ,
Встрѣчая прохожихъ,
Ломовикъ прячетъ свое лицо
Подъ широкую шляпу.
Помѣщикъ, избѣгая лужаекъ,
Гдѣ еще свѣтло,
Ищетъ самыхъ темныхъ аллей.

И лавочникъ все еще медлитъ
Освѣтить окна лавочки и свои глаза.

* * *

Если бы сейчасъ пришли сюда эти три человѣка,
Никогда не носившіе похожей одежды,

Никогда не сидѣвшіе за похожимъ столомъ,
Не знавшіе ни похожихъ жилищъ
Ни похожихъ женщинъ.
Если-бъ они пришли сюда
И сѣли бъ на эту скамейку позади тебя,
И ты бы имъ спѣла
Одну пѣсенку, ты знаешь какую, о простомъ человѣкѣ,
Который идетъ по колѣно въ водѣ, черезъ рѣчку,
Идетъ, не зная дороги,
Слабый, убогій,
Но который баюкаетъ, ступая,
Свою маленькую дѣточку —
И та засыпаетъ,
Грубымъ плащемъ согрѣтая.

Если бъ ты пѣла такъ, не поворачиваясь,
Стыдясь своихъ глазъ, стыдясь своего голоса,
Ты бъ услыхала, быть можетъ,
Одинъ стонъ, протяжный, тяжелый...

ФЕРНАНДЪ ДИВУАРЪ.

1883.

Въ стихахъ Дивуаръ стремится къ большей лиричности и жизненности. Къ сожалѣнію, въ переводѣ трудно передать особенный ритмъ и повторимость риѳмы, характерные для поэзіи Дивуара.

Книги Дивуара: Poètes (1908) — La Malediction des Enfants (1910) — L'Amoureux (1912) «La Belle Edition» — стихи, кромѣ этого работы по философіи и «лирическая проза», посвященная Айседорѣ Дунканъ «La Danseuse de Diane» 1911.

ОТРЫВОКЪ.

Я понялъ — одиночества и гнета
Вечернихъ сновъ не одолѣть,
И это часъ покоя и работы,
Когда томитъ разувѣреній сѣть,
И тщетно жаждешь ихъ откинуть, одолѣть;
На небо вѣчная луна выходитъ,
Мечтатель, онъ по ней вздыхая, бродитъ.
И лунный свѣтъ течетъ на плечи крышъ.

Ты, вечеръ, узнаю тебя, ты смотришь и молчишь,
Одинъ я подъ луной враждебной,
А городъ тянетъ элексиръ цѣлебный
И засыпаетъ исцѣленный тишиной,
Бормочетъ вдалекѣ, и чей то свѣтъ въ окошкѣ, моему
подобный,
Еще, бесѣдуя таинственно съ луной,
Съ луной насмѣшливой и злобной
Трепещетъ темный и больной,
Неясный островъ, средь пучинъ людскихъ клочки истер-
той суши,
Изгнанью преданныя, одиночествомъ насыщенныя души.
Тебя я вижу, братъ далекій и знакомый,
Ты видишь этотъ свѣтъ, дарованный ночами мнѣ,
Какъ вижу я недремлющій огонь въ твоемъ окнѣ,
Работай ты, и города тупая дрема
Подъ нашими ногами не сомкнетъ твоихъ неутомимыхъ
глазъ.
И я, какъ ты, при лампѣ за столомъ,
Работаю — короткій благосклонный часъ
Насъ одарилъ невидимымъ ключемъ.

ТРИСТАНЪ ДЕРЕМЪ.

1890.

Насмѣшливые, грустные стихи Дерема обращаютъ на себя вниманіе. Правда, въ нихъ сильно чувствуется вліяніе Лафорга и др., но они искренны и въ достаточной степени своеобразны, выдѣляясь изъ безчисленныхъ книгъ молодыхъ поэтовъ.

Стихи Дерема, выходившіе небольшими сборниками, теперь собраны въ одну книгу «La Flute Fleurie» 1913. Coulanges.

*

Воспоминанья вечеромъ дрожатъ, какъ мошки.
Ты помнишь дѣвочку въ забавной красной кофтѣ,
Которая одна, на маленькомъ лугу,
Пасла стада свиней, большихъ и черныхъ,
И пѣла — пѣсни я припомнить не могу —
Но знаю, слушая ее, мы думали покорно,
Что свиньи прошлаго унылы и темны,
Сейчасъ свирѣпо пожираютъ наши сны.

*

Моя надежда ясная,
Какъ жукъ, упала на спину.

Ты показалась вдалекѣ
Съ забавнымъ зонтикомъ въ рукѣ;

Ты жука коснулась кончикомъ
Тоненькаго зонтика.

Зажужжавъ внезапно, жукъ
Тихо закружилъ вокругъ.

Моя надежда ясная,
Какъ жукъ, упала на спину.

*

Вѣтеръ, двѣ ивы качая,
Тихонько баюкаетъ насъ;
Хотя ты молчишь — я знаю,
Что это въ послѣдній разъ.

Стемнѣло. Луна надъ домомъ,
Листья шуршатъ на крыльцѣ,
Все кругомъ такъ знакомо
И звѣзда, какъ точка въ концѣ.

Ты смѣешься горько и тихо,
Я страшнаго слова жду,
И въ сердцѣ темныя липы
Пахнутъ, какъ въ старомъ саду.

АЛЬБЕРЪ ЖАНЪ.

1892.

Изъ поэтовъ совсѣмъ молодыхъ выдѣляются А. Жанъ, Дорсенюсъ, Мійе и нѣкоторые другіе. Не группируясь въ какую либо школу, они стремятся къ поэзіи возможно болѣе простой и искренней. Въ двухъ сборникахъ своихъ стиховъ А. Жанъ далъ переживанія смутной грусти и тревоги юности.

Книги А. Жана: La Pluie au Printemps 1911 — L'Ombre de Fumées 1913. Grès ed.

НА ПЛАТФОРМѢ.

Я усталъ, не свершивъ дороги...
Моя душа застыла, замлѣли ноги,
Какъ у путешественника послѣ ночи въ вагонѣ.
Но я не слышалъ, какъ поѣздъ въ полѣ стонетъ
Но я не видѣлъ за окнами,
За сѣрыми потными стеклами,
Ни деревень, летящихъ мимо,
Ни скользящаго дыма
Несущагося локомотива,
Что прорѣзываетъ съ грохотомъ
Поля и нивы,
Гдѣ синѣютъ ласковые крокусы.

Я не зналъ радости пріѣхать вечеромъ
На новое мѣсто,
Въ городъ большой и неизвѣстный,
Исколотый огнями желтыми,
И перерѣзанный широкой рѣкой,
Что качаетъ отраженья
Своими тихими волнами.
Я не говорилъ себѣ съ надеждой и съ тоской:
«Что за стѣнами черными?
Какъ я буду жить здѣсь въ этомъ странномъ городѣ?
Я не зналъ внезапнаго пробужденья,
Гдѣ то на югѣ, гдѣ разсвѣтъ весенній

Заливаетъ отблескомъ алымъ
Большія бѣлыя стѣны вокзала.

Я этого не испыталъ,
А между тѣмъ я такъ усталъ,
Какъ будто я это все испыталъ.

Я сижу на скамьѣ и гляжу
На тѣхъ, что пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, не зная отдыха;
И свиститъ поѣздъ мрачный,
Виснутъ рыданья въ сѣромъ воздухѣ.
Я остаюсь, я сижу
Съ тѣми, что плачутъ.

Ахъ, дайте мнѣ силы сѣсть въ этотъ поѣздъ черный,
И я оставлю на платформѣ
Отчаянье, и слабость, и жалобы эти
Моей души усталой;
Я оставлю ихъ на скамейкѣ,
Какъ забытый чемоданъ.
Только бъ уѣхать далеко отъ этого дымнаго вокзала,
Отъ жизни бѣдной
Къ солнцу иныхъ странъ.

Да, я хочу быть усталымъ, но послѣ — когда я пріѣду!..

ЖАНЪ ДОРСЕНЮСЪ

1892

Ж. Дорсенюсъ издалъ два сборника своихъ стихотвореній Sur le Chemin 1911 «Revue de France» — Peut-être 1914 Grès.

ОКТЯБРЬ.

Грязный туманъ деревья лижетъ,
Сирены кричатъ безысходнѣй,
Осени лицо склоняется ниже
И октябрь приходитъ.

Дождикъ течетъ по мутной рамѣ,
Школьники грустятъ надъ бѣлыми листами.
Октябрь, октябрь,
Ты убилъ солнечныя каникулы,
А на школьномъ дворѣ вѣтеръ жадный
Играетъ листьями сухими, забытыми.

Октябрь туманный,
Пора тоски и всего тяжелаго:
Жалобъ шарманки
Съ охрипшимъ голосомъ.

Октябрь, о грустный мѣсяцъ
Простуды, похоронныхъ процессій,
Октябрь, ты жестче и грубѣе сентября,
И у тебя нѣтъ уюта декабря.
Его вечеровъ у камина.
О октябрь, дождливый, сырой и длинный,
Я люблю тебя за то, что подъ твоимъ знакомъ
Молодыя дѣвушки начинаютъ грезить грустнѣй
О далекихъ озерахъ, о печали заката
И о бѣлыхъ стаяхъ ночныхъ лебедей;
И за то, что на ихъ красныя щеки ложатся осеннія тѣни
И лица блѣднѣютъ и таютъ подъ скукой твоихъ воскресеній.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе 3
Стефанъ Малларме. 7
1) Полдень Фавна 10
Поль Верленъ 14
1) Сентиментальная прогулка. 17
2) Сентиментальный разговоръ 18
3) Амуръ на землѣ 19
4) Свѣтъ луны туманной... 20
5) Тѣнь деревьевъ... 21
6) Рука печальная ласкаетъ піанино... . . . 22
7) Сердце тихо плачетъ... 23
8) Бѣдные добрые помыслы... 24
Артюръ Рембо 25
1) Сонъ на зиму 27
2) Les chercheuses de poux 28
Жанъ Мореасъ. 29
1) Сатиры и осень 31
2) Стансы 32
Поль Руанаръ 37
1) Старикъ (отрывокъ) 40
2) Подруга поэта. 41
Альберъ Самэнъ 42
1) Моя душа 44
2) Вечеръ 46
3) Версаль 47
4) Весенній вечеръ 48
Реми де Гурмонъ. 49
1) Въ церкви 50
2) Да будутъ руки грѣшныя твои благословенны . 52
3) Снѣгъ 53
4) Волосы 54
Гюставъ Канъ 55
1) Дѣвушки Багдада уѣзжаютъ въ море . . . 56
2) Что мнѣ, если она любила больше музыканта.... 57
Жюль Лафоргъ. 58
1) Воскресенья 60
2) Жалоба о забвеніи мертвыхъ 61
3) Воскресенья 63
Луи ле Кардоннель 64
1) Божественное преслѣдованіе 65
2) Эпилогъ (отрывокъ) 66
3) Кипарисы 67
Адольфъ Ретте. 68
1) Зимняя пѣсня 69
2) Хвала вѣтру 70
Франсисъ Вьеле-Гриффинъ 72
1) Нѣжные вечера завяли, какъ цвѣты осенніе... . 73
2) Сказочный вечеръ былъ съ нами 74
3) Осень 75
4) На зарѣ солнце подъ лучами колкими... . . 77

Анри де Ренье 78
1) Осень 79
2) Ода. 80
3) Желтая луна. 82
4) Голосъ 83
Франсисъ Жаммъ 84
1) Полезный календарь 86
2) Молитва, чтобъ войти въ рай съ ослами. . . 88
3) Молитвы, какъ цвѣты, восходятъ къ Богу . . 89
4) Передъ зимой на телеграфныхъ проводахъ . . 90
Поль Форъ 91
1) Моя радость въ траву упала... 92
2) Мой портретъ 93
Шарль Геренъ 94
1) Печаль — вино, но терпкій вкусъ его томитъ... . 95
2) Старуха та похожа на столбы дорогъ... . . 96
Сенъ-Жоржъ де Буалье 97
1) Бродяга-горе. 98
2) Заходящее солнце 99
Андре Спиръ 100
1) Что дѣлать въ этомъ мірѣ? 101
2) Непостоянство 102
3) Франціи. 104
Ф.-Т. Маринетти 105
1) Мое сердце изъ краснаго сахара 106
Гійомъ Аполлинеръ 108
1) Отрывокъ 109
2) Крокусы. 110
3) Отрывокъ 111
Ш. Кросъ 112
1) Въ Люксембургскомъ саду. 113
2) Утро 114
Андрэ Сальмонъ 115
1) Соната 116
2) Поэтъ прогуливается 117
3) Артуръ Рембо 118
Александръ Мерсеро 120
1) Распяли солнце 121
Николя Бодуань 123
1) Простыя вещи кругомъ меня 124
Шарль Вильдракъ 125
1) Собутыльники 126
2) Послѣ полночи 128
3) Одна пѣсня 129
Фернандъ Дивуаръ 131
1) Отрывокъ 132
Тристанъ Деремъ 133
1) Воспоминанья вечеромъ дрожатъ, какъ мошки... 134
2) Моя надежда ясная... 135
3) Вѣтеръ, двѣ ивы качая... 136
Альберъ Жанъ. 137
1) На платформѣ 138
Жанъ Дорсенюсъ 140
1) Октябрь. 141

Книгоиздательство „Геліосъ“

4, Rue Royer-Collard. Paris.

И. ЭРЕНБУРГЪ. ПОЭТЫ ФРАНЦІИ (1870—1913 гг.) — Переводы изъ Поля Верлена, Артюра Рембо, Гюстава Кана, Стефана Маллармэ, Жана Мореаса, Альбера Самэна, Жюля Лафорга, Франсиса Вьелле Грифина, Франсиса Жамма, Реми-де-Гурмона, Адольфа Ретте, Анри-де-Ренье, Поля Фора, Шарля Вильдрака, Гійома Аполлинера, Андре Сальмона, Андре Спира, Луи де Кардоннеля, Александра Мерсеро, Маринетти, Дерема, П.-Н. Руанара, Шарля Герена, С.-Ж. де Буалье, Ш. Кроса, Н. Бодуань, Фернанда Дивуара, Альберта Жана, Дорсенюса. Съ замѣтками переводчика. Парижъ, 1914 года. Цѣна 1 р. 50 коп.

ОСКАРЪ ЛЕЩИНСКІЙ. СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕПЕЛЪ. Первая книга стиховъ. — Въ часъ, когда заходитъ солнце. Парижъ. Les récits des voyages imaginairs. Слова ожиданія и любви. Каждый день. Обложка и заставки работы автора. Парижъ. 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

ОСКАРЪ ЛЕЩИНСКІЙ. Отъ импрессіонистовъ до нашихъ дней. Альбомъ рисунковъ французскихъ художниковъ. 200 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Со вступительной статьей и критическими замѣтками. (Готовится къ печати.)

В. НЕМИРОВЪ. ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВЪ. (Готовится къ печати.)

PQ
1170
R8P7

Poety Frantsii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY